

Дмитрий Самойлов

Художник

Сборник произведений

Дмитрий Анатольевич Самойлов
Художник. Сборник
произведений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724542

ISBN 9785448564970

Аннотация

В сборник вошли рассказы автора на разные темы и повесть о непростой любовной истории молодого художника и влиятельной дамы.

Содержание

Художник	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	56
Глава 6	64
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Художник
Сборник произведений

Дмитрий Анатольевич
Самойлов

© Дмитрий Анатольевич Самойлов, 2017

ISBN 978-5-4485-6497-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Художник

*«Ибо размышлять есть счастье,
Ибо грезить есть счастье».*

Эдгар Аллан По

Глава 1

Образ этой женщины, словно старинный портрет, закрытый в темной комнате средневекового замка. Он окутан таинственной тишиной и печалью. Он спрятан там, и ты идешь, чтобы посмотреть на него. Знаешь, что нельзя, но все равно идешь. В полумраке, при тусклом мерцании факелов, по длинному коридору. Страх обволакивает тебя и с каждым шагом становится все страшнее. Но ты продолжаешь приближаться к заветной цели, потому, что она зовет тебя неотступно, как дальний звон церковного колокола.

И вот он перед тобой. Трясущимися от волнения руками, в нетерпении ты отдергиваешь полог, закрывающий его, и отходишь, потрясенный красотой увиденного. Теперь тайна известна, но было бы лучше не знать ее. Она лишает покоя и сна, заставляет делать вещи, которые ты никогда раньше не делал, и совершать немислимые поступки.

Когда солнце поднялось над крышами домов и засияло ярко, я взял все необходимое и пошел к заранее намеченному месту.

«Какие интересные блики на крышах?! Вчера их не было. Вернее, они были, но цвет совсем другой. Может солнце светило иначе, сквозь облака, преломление лучей и все такое» – подумал я.

Вот стих ветер, и облака почти замерли, застыли, сохраняя причудливые формы. Небо же с темной синевой, а вчера было светло-голубое. Каждый день, по-разному.

«Какой хороший пейзаж получился, радостный. Нет, здесь другой оттенок. Придется смешивать». Иногда я рвал свои картины. Находил их плохими, отвратительными. Но чаще получалось хорошо и вполне прилично. Тогда я радовался. Выставлял их перед собой и наслаждался, созерцая.

Пейзаж готов. Я сел, прислонил голову к гранитному камню и стал по-привычке сравнивать. Так я сидел долго. Солнце пригревало, и хотя я сидел в тени, мне было тепло из-за недостатка ветра. Дело было на набережной, где всегда обычно присутствует ветер, но сегодня его не было. Глаза мои устали, и я задремал. Кто-то тронул меня за плечо. Я поднял глаза и увидел женщину в синем костюме. Небольшого роста, изящная. Она стояла рядом и с любопытством смотрела на меня, чуть улыбаясь.

– Вот уж не думала, что художники спят, когда рисуют

свои картины! – сказала она приятным голосом.

– А я не сплю, просто задремал.

Она улыбнулась и повторила:

– Я не сплю, просто заснул.

На первый взгляд, она казалась обычной женщиной, каких много ходят по улицам, мимо меня, в то время когда я рисовал, проходили сотни таких. Обычное лицо и фигура. Но вот глаза и походка. Ее походка была плавной, как будто она не шла, а плыла.

– Вы всегда гуляете по набережной? – спросил я.

– Да, привыкла. Мне нравится здесь. Но, пока лето, я живу за городом.

Она взяла в руки альбом и спросила:

– Можно?

– Вы хорошо рисуете – сказала она, рассмотрев мои рисунки, и присела на нагретый солнцем камень. – Расскажите о своих рисунках. Они необычны. Там есть то, чего я не могу понять. Вот этот силуэт, он повторяется, и на эскизах он есть. Кто это?

– Это женщина.

– Просто женщина? Интересно.

Я подумал тогда, глядя на нее: «Если бы она попросила написать ее портрет, то я непременно бы согласился».

И тут она спросила:

– Нарисуете мой портрет?

Я замялся и ответил:

– Вообще-то я портреты не пишу, но попробую. Не знаю, получится ли.

– Получится, я уверена – сказала она и кивнула мне на прощание.

Отойдя несколько шагов, она вернулась.

– Знаете, что...

– Что?

– Вам неудобно здесь рисовать. Ведь так? Что здесь, что дома... Что молчите? Впрочем, можете молчать. Как угодно. Я и без вашего ответа, все вижу. Не те условия.

Я пожал плечами и кивнул головой. Она продолжила, прохаживаясь вокруг меня:

– У меня к вам предложение. Поедьте ко мне – она быстро посмотрела мне в глаза, оценивая произведенный ее словами эффект.

Я замотал головой и ответил:

– Но позвольте, я вас совсем не знаю. Как можно?

– Да, бросьте. Меня все знают. Вижу, что хотите – она перестала прохаживаться и остановилась передо мной. – Не надо притворяться... Гордость и все такое. Перемена обстановки, пойдет вам на пользу.

Не отрывая от меня испытывающий взгляд, она отступила и, сделав полукруг правой ногой по асфальту, продолжила восторженно:

– Там такие пейзажи! Вам понравятся! Ни один художник не устоит.

Я молчал, не зная, что ответить. Она приветливо махнула рукой и сказала:

– Завтра в это же время я пришлю за вами машину. Или лучше вечером?

...Значит, вечером.

Она еще раз кивнула и ушла. Я повернулся к воде и стал смотреть на волны, бьющиеся о гранит. Затем, обернулся и заметил, как она пошла, плавно переступая ногами, дальше по набережной, затем перешла дорогу и остановилась перед большим белым мерседесом. Из черного джипа, стоявшего рядом, вышел человек в темном костюме. Он заботливо открыл перед ней дверцу, она села, затем он также заботливо закрыл дверцу и наклонился, слушая. Она что-то сказала ему. Он кивнул головой и подошел ко мне, протягивая белый конверт.

– Это аванс за вашу работу. Но есть условие. – произнес он таинственно.

– Какое?

– Вы не сможете покинуть дом, пока не закончите портрет. Деньги останутся у вас в любом случае.

Я недоуменно пожал плечами и спросил:

– Даже если я не соглашусь?

Он кивнул и добавил:

– А если согласитесь – умножайте на три.

Его лицо было каменным и ничего не выражало. Затем, он вернулся к белой машине. Двое мужчин в черном, медве-

жьего вида, прогуливались неподалеку. Они то и дело подносили руку к правому уху, как будто им там что-то мешало. Движения их тел были угловаты, но быстры и уверенны.

Белый мерседес тронулся. Человек в темном костюме еле заметно кивнул головой этим мужчинам, те сразу все поняли, сели в черный джип и поехали за мерседесом. Катя оглянулась и проводив взглядом фигуру художника, повернулась к сидящему рядом охраннику:

– Проверьте, что за тип? Чем дышит?

Тот молча кивнул головой, достал телефон и набрал номер.

«Интересная женщина» – подумал я, когда вернулся домой и стал наливать кофе. Баночка была пуста, осталась последняя чашка.

«Интересна она не тем, что села в дорогую машину и повсюду за ней следует охрана, а тем, что не похожа на других женщин. Прежде всего, своим обликом, словами, которые она произносила и глазами какими смотрела на меня. Если я соглашусь на ее предложение, то у меня появится много кофе, дорогого, хорошего и не только кофе».

Машина пришла в точно назначенный час. Вещи были собраны мною заранее. Я положил их в багажник, сел, и мы поехали. Кроме шофера в машине никого не было. За всю дорогу он не проронил ни слова, будто немой. Я даже заснул, так удобно было расположено сиденье. По этой причине я не знаю, сколько времени ехал и куда меня везли. Проснул-

ся я, когда начало темнеть. Мы ехали по шоссе посреди леса на средней скорости. Я повернулся и посмотрел в окно, сладко потянувшись. За окном мелькали деревья, какие-то постройки. Машина убавила скорость. Мы свернули на дорогу, которая была уже, и поехали тише. Притормозили перед большими воротами, которые медленно открылись, пропуская нас, мы поехали дальше, но еще медленнее, и, наконец, остановились. К нам подошли двое и, наклонившись, стали разглядывать все, что было в салоне очень внимательно, затем отошли в сторону. Я все это время сидел, не зная выходить или нет. Но вот, подошла та самая женщина, которую я видел на набережной. Она приветливо махнула мне рукой, приглашая. Я вышел, огляделся и увидел белый дом старой постройки, с колоннами на фасаде, парк в английском стиле, на лужайке перед домом виднелся бассейн, освещенный фонарями по кругу.

– Вы купаетесь в бассейне?

Она засмеялась, не ответив.

– Пойдем, я покажу тебе дом!

Мы пошли к дому.

– Вы не сказали, как вас зовут, так скажите же!

– Екатерина Ивановна. Это моя дочь, Ольга, – она показала на девушку, выглядывающую из окна. Девушка была в белом платье, у нее были темные волосы и большие глаза. Она поливала цветы и, увидев нас, кивнула головой. Я кивнул ей в ответ.

– Осторожно, тут ступеньки! Что засмотрелся? – Екатерина Ивановна придерживала меня рукой. – Можете называть меня Катя, если Вам так удобнее. Наверное, так будет даже лучше.

– Это Сергей Иванович, познакомьтесь! – она показала на пожилого человека в темном костюме, стоявшего неподалеку.

Он подошел и поздоровался. Затем куда-то заспешил, оставив нас. Дом был трехэтажный с круглыми башнями по бокам. Мы осмотрели его почти весь. Он мне понравился. Мы даже попили чаю в гостиной, куда она любезно пригласила меня.

– Пойдемте дальше. Вы не устали? – Катя осторожно, придерживая меня за руку, заглянула в глаза.

– Нет. Нисколько, – ответил я.

– Тогда продолжим!

Она открыла большую стеклянную дверь, за которой виднелся парк, вспугнув человека в черном костюме, который встал и повернул к ней сонное лицо.

– Если хотите спать, идите наверх и ложитесь на диван. Это перила, а не диван, – строго сказала она и, взяв меня за руку, повела дальше.

Я оглянулся на человека в черном костюме и увидел, как он скрылся в кустах, косолапя.

– Эти медведи вечно спят, – пожаловалась она и, приблизив ко мне лицо, произнесла таинственно. – Мне кажется,

они везде прячутся, за каждым деревом. Куда не пойдешь, везде натыкаешься. Но все равно, – добавила она, – хоть есть какой-то порядок.

– Когда-то в молодости я мечтала прокатиться на яхте под белым парусом – произнесла она нараспев, и, подняв голову, посмотрела на небо. – Теперь у меня есть яхта. Но она очень далеко...

Мы пошли дальше.

– А вот наш фонтан, – сказала Катя и показала рукой.

– Чудесный фонтан! – воскликнул я, запрыгнул на мраморный поребрик и протянул ей руку.

– Осторожно, не упадите. – Катя шла рядом некоторое время, поглядывая на меня, затем взяла мою руку и пошла сзади.

В середине фонтана стояла статуя женщины. Она находилась в центре диковинного цветка с большими лепестками, расходящимися в разные стороны. Также в разные стороны от центра цветка били струи воды. Их было намного больше, чем лепестков. Повременно они начинали пульсировать.

Мы несколько раз обошли фонтан по кругу, и я сказал, остановившись:

– А почему она голая? Мне кажется, что ей холодно.

Катю тут же разобрал смех:

– Она же из мрамора! Это речная нимфа, они все голые!

Или почти все...

При этих словах ее правая нога соскочила с мокрого мрамора.

мора и Катя, потеряв равновесие, соскользнула в воду, увлекая меня за собой. Мы очутились в фонтане по пояс в воде.

– Вода теплая! – воскликнул я удивленно.

– Я знаю, – ответила Катя. – Ее специально подогревают, на тот случай, чтобы дети, упавшие в фонтан, не простудились.

– Она похожа на вашу дочь, – сказал я, разглядывая статую вблизи. – Как странно...

– Да не может быть! – Катя снова засмеялась и стала плескать на меня водой.

– Ваше платье!

– А ваше?

В дом мы вернулись мокрые с головы до ног и полные впечатлений.

– Горничная проведет вас в вашу комнату, – сказав эти слова, Катя удалилась, поправляя мокрые волосы и платье, прилипающее к телу.

Комната, которую мне выделили, была довольно большой. Я прекрасно разместился в ней и чувствовал себя превосходно. Туалет и ванна были в отдельном помещении, кухня также, на тот случай, если бы я захотел приготовить, что-нибудь сам. Окна ванной комнаты и кухни выходили во двор, а окна комнаты в парк.

Она приснилась мне в туже ночь. Какой странный и необычный сон. Все было наяву, даже в цвете. Как будто мы давно с ней вместе. Мы о чем-то говорили спокойно, по-

том она легла на кровать и укрылась одеялом. Посмотрела на меня вопросительно:

– Ты скоро?

– Да, – ответил я.

Мне понадобилось зачем-то выйти. Но, выйдя, я не мог найти дорогу обратно. Не мог вернуться. Я спрашивал встречных: «Как мне найти ее?». Мне объясняли. Я поднимался по ступенькам, но их было так много. Все лестницы вели в разные стороны. Я знал, что она ждет меня, беспокоится. Там наверху, в спальне. Я хочу к ней, и никак не могу найти ее.

Увиденный сон ошеломил меня, и заставил задуматься. Это была женщина, в которую невозможно было влюбиться с первого взгляда. Но при дальнейшем знакомстве такой исход был бы просто неизбежен. Меня тянуло к ней постоянно. Но я заставлял себя держать дистанцию. Некий интервал был просто необходим, из-за боязни увязнуть еще больше.

Я любил наблюдать за ней и радовался всегда, когда мне удавалось сделать это незаметно для нее. Чтобы лишний раз не тревожить.

Странное ощущение наполняло меня изнутри в тот момент, когда она приближалась ко мне. Я слышал стук собственного сердца, оно билось громче. Теплые волны захлестывали меня одна за другой. Я не знал, что это такое и не мог найти этому никакого внятного объяснения.

Мы встречались с ней каждый день и по несколько раз.

Наверное, я специально шел в те места, которые ей нравились. Но сам себе в этом не признавался. Она любила сад. Ее можно было увидеть там каждый день, особенно в оранжее. Она неторопливо прохаживалась и, поворачивая голову с аккуратной прической, любовалась цветами. Вдыхая их аромат, она подолгу задерживалась там, где росли розы. Сидела на скамейку и о чем-то думала, то поднимая, то опуская голову.

Взгляд ее был печален и отрешен. Если я подходил к ней, то она странно смотрела на меня отсутствующим взглядом. Поэтому в такие минуты я старался ее не беспокоить. Вот и сегодня я хотел незаметно проскользнуть мимо. Катя, увидев меня, отвлеклась и, повернув голову, спросила:

– Вы не пробовали сегодня утренний кофе?

– Пробовал, – ответил я и, замедлив шаги, остановился.

– Он показался мне чересчур горьким. – Катя встала со скамейки и подошла ближе. – Наверное, зерна пережарили. – Она наклонилась над розовым кустом и погладила лепестки.

– А я пью со сливками и не заметил. Вы бываете здесь каждый день. Нравятся цветы?

– Я люблю ходить сюда, – она улыбнулась. – Смотреть на цветы. Здесь другой мир, он успокаивает меня. Так красиво! – Она плавно развела руки в стороны. – А вы что чувствуете?

– Я черпаю здесь вдохновение...

– Конечно. Для художника это так важно. А какие цветы вам нравятся?

– Не знаю. Они все хороши.

– Верно. – Она прошла пару шагов и наклонилась над каким-то цветком.

– Ах! – тихо промолвила – Бедная моя фиалка! Ей чего-то не хватает.

Подняв подол платья, Катя присела на корточки и сказала шепотом:

– Вы спите? Так долго. Понимаю. – Она посмотрела на меня и добавила:

– Когда ее привезли, она была еле живая. Листья пожухли и начали опадать. Она чуть не захла. Но сейчас...

Я присел рядом и сказал:

– Вы разговариваете с цветами? Как интересно и необычно.

– Почему бы и нет? Ведь они живые и все понимают. Когда надо срезать цветок я всегда его спрашиваю: «Можно я возьму одну розочку? Или тюльпанчик?» Он еле заметно кивает мне.

– Как трогательно вы все это рассказываете. А я никогда не спрашиваю – срываю и все. Теперь буду спрашивать. Но ведь никто так не делает. Это странно. Согласитесь.

– Но вы верите мне? Верите, что цветы чувствуют боль? – указательным пальцем она потрогала землю у стебля цветка.

– Да, верю.

– Вот видите. Сегодня вы – завтра кто-то другой. После-завтра третий и так далее. Может быть тогда весь мир хоть чуточку изменится в нужную сторону.

Катя повернула лицо и вопросительно посмотрела мне в глаза.

– Разве я не права?

– Что же, пожалуй, вы правы.

На этой фразе мы расстались. Она пошла в свой кабинет. Я к себе.

Спустя некоторое время к ней заглянул Сергей Иванович.

– Сергей Иванович, вы что-нибудь выяснили? – спросила Катя, едва он вошел.

Она быстро вскинула голову, отвлекшись от деловых бумаг, лежавших на ее столе. Он не спеша сел рядом с ней, и, пододвинув пепельницу, закурил.

– Он живет один, – произнес Сергей Иванович, выпуская дым в потолок. – Обычный художник, иногда рисует на Невском проспекте.

– Ага! – Катя оживилась. – Значит, врет, что портреты не рисует.

– Мы видели его гуляющим по Фонтанке, недалеко от Аничкова моста, – продолжал Сергей Иванович, задумчиво глядя в окно. – Затем он подошел к Летнему саду и некоторое время стоял перед статуей Геракла возле Михайловского замка.

– Что он там делал? – Катя отложила бумаги в сторону.

– Открыл альбом, который носит с собой в сумке через плечо, что-то набросал карандашом. Вот, собственно, и все.

– Можете еще что-то добавить?

– В средствах весьма ограничен.

– Ну, это я и сама заметила, – она улыбнулась. – Вредные привычки?

Сергей Иванович отрицательно покачал головой.

– Я сегодня вам нужен?

– Нет, идите, пожалуй. И побрейтесь! Вы же начальник службы безопасности банка, как-никак! Извольте, быть аккуратнее!

– Извините, – он поднялся. – Всю ночь проверял работу видеонаблюдения.

– Ну и как? Работает?

– Обижаете! Я – профессионал, и мои люди – не первый день на работе.

Глава 2

Катя стала позировать мне в первый же день моего пребывания в доме. Ей не терпелось увидеть свой портрет. Краски, которые мне принесли, оказались хорошими, кисти тоже. И я рисовал, чувствуя, как ее образ входит в меня.

Она запомнилась мне быстро, затем ее присутствие было вовсе не обязательно, но я все же приглашал ее, чтобы видеть ее лицо, глаза, волосы, руки, сложенные на складках платья. Я попросил ее одевать всегда одно и то же платье, но один раз она пришла в другом, видимо забыла. Лицо ее было печальным. Она зевала, прикрывая рот рукой, и о чем-то думала, опустив голову. Я не решался попросить ее смотреть прямо. Слишком усталой и грустной она казалась в тот день.

«Что ее тревожит?» – думал я, размешивая краски. В тот день Катя так посмотрела на меня, будто хотела что-то рассказать, поделиться чем-то очень важным, тем, что не давало ей покоя, тревожило и делало ее лицо таким печальным. Сам же я не решился просить ее об этом.

Вечером из окна я увидел, что она поднимается по ступенькам центрального входа, приподнимая платье и повернув голову в сторону моих окон. Подскочив к мольберту, я откинул покрывало, разложил краски и кисти в рабочем порядке, уронив один тюбик. Она быстро вошла, распахнув двери покрытые позолотой, и, шелестя платьем, останови-

лась возле меня.

– Портрет готов?

– Еще нет.

– Я должна еще позировать? – она внимательно посмотрела на меня, пытаюсь, видимо, понять, почему, то, что можно было давно сделать, еще не сделано. – Почему вы ползаете здесь на коленях?

– Ищу крышку от тубика.

– Вот эту? – носком туфли она отпихнула от себя крышку, та покатила в сторону. – Я нашла!

Также носком туфли она подвинула крышечку ко мне. Я уставился и смотрел на ее ногу. Я не мог понять, как ее ноги умещаются в такой узкой обуви.

И руки ее тоже были очень изящны и неповторимы по своей красоте. Я подумал тогда: «Удастся ли мне когда-либо поцеловать ее руку? И что она мне скажет при этом? А если не только руку?» А подумав, спросил:

– Вам не больно ходить?

– Почему мне должно быть больно? – она удивлено взглянула на меня и присела рядом на корточки.

На мгновение ее глаза широко раскрылись, затем сузились. Она улыбнулась.

– О чем вы, не пойму? Вот здесь натирает немного, – призналась она растерянно и своим изящным пальчиком показала заклеенное пластырем место повыше пятки.

Я улыбнулся и предложил:

– Если поцеловать, тогда быстрее заживет. Давайте, поцелую?

– Прямо туда? – она смутилась

– Да! А что такого? Разве нельзя?

– Ну, можно, конечно. Просто существуют определенные приличия и правила поведения, которые впрочем, всегда нарушают. Целуют руку, щеку, но пятку?! Как-то странно, согласитесь?

– Не хотите, тогда извините.

– Ну, почему же, хочу! – ее глаза вновь широко раскрылись, она с интересом посмотрела на меня и выставила одну ногу вперед.

Я поцеловал. Она закатила глаза и закрыла лицо ладонями.

– Ой! – сказала тихо. – Я даже не почувствовала.

– Не почувствовали, потому что через пластырь, а губы мягкие, поэтому.

Она вздохнула и, оглянувшись по сторонам, сказала тихо, почти прошептала:

– Хочешь заглянуть мне под юбку? Я же вижу, что хочешь, – она слегка приподняла платье рукою.

– Еще выше? – спросила и загадочно посмотрела на меня.

– Нет. Не надо, – ответил я. – Слишком быстро.

– Тебе нравится медленнее? А какой взгляд стал тревожный! Ну, ладно не буду тебе мешать, – она вышла, закрыв за собой дверь.

Я тут же принялся за работу, надо было закончить портрет и вечером отдать его ей. Я видел, как она перевешивала картины в гостиной, готовя место под него. Несколько раз в течение дня Катя заходила и смотрела. Я же делал вид, что добавляю какие-то оттенки, смешивал краски, отходил, глядя издали, затем подходил, добавляя мазки, снова отходил, вытирая кисть. Пока она не ушла. На самом деле портрет был давно готов, я просто тянул до вечера, подчеркивая тем самым свою нужность и необходимость присутствия в ее доме. Мне здесь нравилось. Проходя по коридору мимо столовой и гостиной, я редко удерживался от того, чтобы не стянуть пару конфет из вазочек на столах. Внутренне я ругал себя и стыдился таких поступков, но ничего поделать не мог и, вновь проходя мимо конфетниц, голова моя сама собой поворачивалась в нужную, точнее, ненужную сторону, я замедлял шаг, оглядывался и, вздохнув, шел к своей цели, думая на ходу: «Вот бы Катя застала меня здесь с набитым ртом, с карманом, оттопыренным от конфет, что бы она сказала? И как бы мне было неудобно». Я снова вздыхал, шел в свою комнату и прятал сладости в сумку, с которой гулял по округе. Потому, что прятать было некуда. Сумка и одежда относились к личным вещам, их не проверяли горничные, все остальное чистилось, вытиралось, вытряхивалось, выносилось самым обязательным образом. А затем, приносилось и ставилось обратно, постельное белье менялось, все эти коврики, маленькие подушки на диванах и креслах и т. д. и т. п.

Один раз по неопытности я засунул конфеты и пару пряников под подушку, как делал это в детстве, но вовремя вынул их оттуда, заметив в своей спальне девушку, которая делала там уборку.

На следующий день, с утра, появился управляющий. Катя подошла к нему и спросила:

– А кто это так шумит? Какой отвратительный стук!

– Это рабочие, они делают ремонт в башне. Вы же сами хотели.

– Ах, да. Но я не думала, что это будет так шумно. Стоит такой грохот, будто они хотят сломать башню. Не ожидала, что ремонт доставит столько неудобств, – она покачала головой. – Какой у них график?

– С 9 до 20 часов.

– Хорошо, пусть работают, но поменьше шумят.

– Это невозможно, мадам!

– Почему, скажите на милость?

– Строительные работы всегда связаны с определенным шумом. Это неизбежно.

– Создается такое впечатление, что они специально колют, чтобы досадить мне. И потом, почему «9 часов» у них начинается в «8»? Сделайте им замечание.

– Хорошо, мадам, сделаю, – он почтительно наклонил голову.

Через некоторое время я увидел, как двое охранников волокут через двор одного из рабочих-строителей. Он упира-

ется и чего-то лопочет. Подошел прораб и волнуясь, спросил у Кати:

– Что он сделал?

– Он шумел больше остальных. Мне доложили, – ответила Катя строгим голосом.

– Да, но так нельзя...

– Никаких «Но»! – прервала его Катя. – Этого достаточно! И почему нельзя? Позвольте поинтересоваться? – она повысила голос, распаяясь еще больше. – Я у себя дома и хочу напомнить вам это еще раз, если вы забыли!

– Я хотел сказать, что он не понимает по-русски – оправдывается прораб – недавно приехал, не успел привыкнуть и все такое.

– Тем хуже для него! Объясните ему! – Катя подошла ближе к рабочему, разглядывая его – И почему от него так воюет?

Изменившись в лице, она внезапно, с остервенением пихнула его ногой. Тот упал, его подняли. Прораб попытался остановить Катю, вытянув руки, но она оттолкнула его с непонятно откуда взявшейся в этой хрупкой женщине силой, да так сильно, что он тоже упал.

– Помойте его! – закричала Катя, показывая пальцем на рабочего, и сделала знак охранникам. Его потащили к реке и сбросили в воду.

– Он не умеет плавать! – воскликнул прораб, подбегая к берегу.

– Вот и помогите ему! Прыгайте следом! – Ответила Катя и засмеялась.

Постепенно она потеряла интерес к происходящему, и через некоторое время ушла, ни разу не оглянувшись. Прораб вытащил рабочего из воды и привел его в чувство. Прислуга наблюдала за этим из окон, какое-то время, пока не разошлась.

Катя поднялась к себе и не успела войти, как раздался телефонный звонок. Она приложила телефонную трубку к уху:

– Хорошо, приезжайте только сегодня. Через час, но не позже. Два максимум. Тогда я приму Вас.

Она подошла к окну и стала смотреть на озеро в подзорную трубу.

Вошел Сергей Иванович. Он поздоровался и сел с безразличным видом на диван.

– Сергей Иванович, а кто это там рыбачит у берега? – спросила его Катя.

Он посмотрел в окно и ответил:

– Не знаю, какой-то человек, рыбак, наверное, – он взял у нее трубу. – Сейчас разберемся.

– Там же висит объявление! На нем написано все крупными буквами, читать он не умеет что ли? – не унималась Катя.

– Сергей Иванович, вы чего хотите чаю или кофе? – Катя поманила горничную пальцем, когда та вошла.

– Да, не откажусь посидеть с вами, все равно чего, без разницы, – ответил он, двигая стул.

Я вошел и поздоровался. Катя любезно взглянула на меня, приглашая присоединиться. Не знаю почему, но мне захотелось обнять ее и не отпускать никогда.

Я посмотрел в окно и увидел, как к лодке, на которой сидел рыбак, подошел катер. На его палубе показались двое, они растормошили рыбака, отобрали у него удочки и, переломав их, выкинули за борт. Недолго думая, рыбака выкинули следом.

– Туда его, и поделом! – Катя засмеялась, наблюдая происходящее, она сказала сквозь смех. – Когда кому-то хочется приключений, то мы их организуем очень быстро, надо сказать.

– Точно так, – подхватил Сергей Иванович и тоже осклабился. – Рабочие в башне уже poznали это на собственной шкуре, что-то больше не шумят.

Они переглянулись, продолжая хихикать:

– Смешно, ей Богу! – Сергей Иванович снова оскалился. – Как в мультфильме! Здорово! Но человека жалко.

– А чего ему будет? – Катя перестала смеяться. – Да, он и не человек вовсе. Нормальные люди читать умеют. А этот? Алкаш, наверное, – она повернула голову и равнодушно уставилась в окно, помешивая ложечкой в чашке.

– По-моему, он и плавать не умеет, – добавила она через некоторое время. – Да! Не видно, что плышет. Взмахи рук? Их нет!

Сергей Иванович привстал со стула, всматриваясь:

– Может, людей послать? Вдруг, он тонет?

Катя удивленно посмотрела на него и пожала плечами:

– Да, ладно вам, полноте. Когда вы сбили человека машиной, что-то я не заметила такого беспокойства в ваших глазах. И вообще, кто вам сказал, что его надо было толкать в воду? Я не говорила.

Она отпила из чашки и поставила ее на стол.

– И перестаньте в человечность играть! – заметила она недовольно.

Я, пользуясь случаем, брал из вазочки конфеты и уплетал их одну за другой. Раздался стук в дверь. Вошли двое, они принесли какие-то деловые бумаги на подпись.

Катя встала из-за стола и пригласила их в свой кабинет. Мы с Сергеем Ивановичем встали и пошли следом. Так как делать было больше нечего.

Когда мы вошли, двое пришедших стояли в напряженных позах. Что-то явно не ладилось.

– Я это не подпишу без юриста, – сказала Катя и холодно посмотрела на них.

Те переглянулись и зашептались. Ее взгляд стал еще холоднее. Она сказала четко:

– Если вы хорошо воспитаны, то должны знать, что шептаться о своих делах в присутствии других людей неприлично, в присутствии дамы – тем более, – ее глаза широко раскрылись, поблескивая. – Она может подумать, что вы говорите про нее то, что невозможно произнести вслух! Убирай-

тесь!

Они опять переглянулись. Один хотел что-то сказать и открыл было, рот, но Катя опередила его. Она схватила со стола вазу, вынула из нее цветы и быстрым движением запустила ее в их сторону. Ваза разбилась о стену, окатив их множеством осколков. Они нагнулись и, схватившись за головы, выбежали из кабинета.

– Вот так одна деталь портит все впечатление, – сказала Катя, успокоившись. – Дорогие костюмы, ну и что? Встречают по одежке, а провожают по уму. Один неверный мазок или украсит или испортят картину. Наш художник меня поймет.

Она победно посмотрела на меня и улыбнулась.

Вошла горничная и стала подметать пол. Она повернулась к нам спиной и наклонилась. Сергей Иваныч принялся разглядывать ее с задумчивым выражением на лице. Брови его то поднимались, то опускались. Он отводил взгляд, но ненадолго. И его глаза вновь устремлялись к заветной цели. Я тоже рассмотрел горничную как следует. Это была женщина лет 30 с круглым лицом и слегка полная на вид. У меня содалось впечатление, что она специально повернулась к нам спиной, чтобы продемонстрировать свои формы. Ей было, что показать, и она знала, что на нее смотрят. Она, видимо, не раз так делала везде, где ей приходилось работать. Катя, оценив обстановку, сказала:

– Идите лучше делом займитесь, вы оба! Вы, Сергей Ива-

ныч, всегда говорили, что у вас полно работы. Вот и работайте! А вы, – обратилась она ко мне. – Берите свой мольберт и марш на прогулку!

Она посмотрела на нас с укоризной и добавила:

– Хватит здесь таращиться!

– Да, действительно, что-то я засиделся. – Сергей Иванович встал, задвинул стул и пошел к двери.

– Спасибо за компанию, я пойду к себе, – сказал он, открывая дверь.

– Я тоже пойду, пожалуй, – сказал я и вышел за ним.

Уходя, услышал, как она отчитывает горничную: «Поменьше крутите задом, здесь не публичный дом!» Я шел по коридору и думал: «Выходит, я должен ловить ее настроение; если она злится, то лучше подождать, когда она успокоится, и взгляд ее станет лучистым и добрым. Чтобы не попасть под „горячую руку“ запустит в меня вазой, а если... – тут я вспомнил про графин с водой, который стоял на ее столе – он, наверное, очень тяжелый».

Тем временем Катя продолжала отчитывать горничную.

Она вперила в нее презрительный взгляд и сказала резко:

– Зачем вы пришли сюда? Работать?

– Да, мадам... – она вдруг заплакала и, отвернувшись, стала медленно сползать по стене, всхлипывая. Затем повернулась и затрясла головой:

– Да, да... Да!

– Прекратите истерику! – Катя с размаху ударила ее

по щеке.

Девушка замолчала, вытирая слезы.

– Не увольняйте меня. Прошу вас, – сказала она сдавленным голосом. – У меня двое детей.

Она жалобно посмотрела на Катю.

– Хорошо. Я не уволю вас. С завтрашнего дня будете приходить ко мне в кабинет для уборки, каждый вечер.

Катя подошла к окну и медленно, заложив руки за спину, сказала:

– Мне нужны ваши глаза и уши. Везде, где сможете. Вечером расскажите, что слышали и видели.

Она обернулась и добавила с улыбкой:

– Даже больше уши, чем глаза. Все равно многое увидеть вы не сможете. А вот услышать всегда легче. – Катя погладила пальчиком по обоям и задумчиво продолжила, глядя прямо перед собой:

– Кто? С кем? Когда? И где? Что говорят?

Она отвернулась к окну, продолжая:

– И вот еще что...

– Что?

– Попробуйте выяснить, куда ходит художник и с кем?

– Он ходит один. Я это и так знаю.

Катя согласно кивнула головой:

– Ну что, договорились?

– Что скажет управляющий? Он занимается расстановкой прислуги...

– Меня не волнует, что он скажет! – Катя резко повернулась к девушке, – наплевать на то, что он скажет!

– Да, конечно. Я все сделаю.

Катя улыбнулась в ответ:

– Ты умная и хорошая. Я в тебе не сомневалась. Как тебя зовут?

– Вера.

– Вот и хорошо, Вера, – она отвернулась к окну и замолчала, сомкнув губы, о чем-то думая.

Горничная попятилась и, тихо отворив дверь, вышла.

* * *

Сергей Иванович сидел за столом и, приложив мобильный телефон к уху, слушал. Он переводил тревожный взгляд с одного окна на другое. На озабоченно-усталом выражении его лица отчетливо проступали морщины. Лучи солнца, падающие из раскрытого окна, подчеркивали этот отпечаток времени, так четко, как никогда. Он вообще крайне редко смотрел на себя в зеркало. Делал это лишь по необходимости. Зато других любил рассматривать. Особенно когда собиралось много людей, в людных местах, куда его иногда просила отвезти Катя. Его колкий внимательный взгляд выдавал в нем профессионала. Он быстро окидывал взглядом присутствующих, подмечая все детали, на которые следует, по его мнению, обращать внимание. Это был первый заход. Вторым заходом он дорисовывал картину. Она отпечатывалась в его голове словно схема с пунктирными, красными

линиями и стрелками, т.е. со всем необходимым арсеналом знаков, понятными лишь ему одному.

Исходя из этого он действовал. Я никогда не видел на его лице испуганного выражения. Казалось, чувство страха было ему неведомо. Он никогда ничего не боялся. Чаще всего его лицо было усталым и равнодушным и иногда обиженным. (Из-за Кати).

Вошла Катя. Она напевала какой-то мотив.

– Что у нас за последнее время? – спросила она, делая плавные движения рукой в такт мелодии, доносящейся из стоявшего на столе приемника.

Сергей Иванович отложил мобильник в сторону и ответил:

– Два сухогруза. С первым нормально, – он закашлялся, повернув голову в сторону, – а вот со вторым, не очень.

– Что значит: «не очень»? – Катя поморщилась и села на стул у распахнутого окна, наблюдая за выражением лица Сергея Ивановича.

Сергей Иванович опустил голову, перевернул несколько бумаг на столе и, посмотрев исподлобья, ответил:

– Капитана пришлось пристрелить, – он тут же опустил взгляд и нахмурился.

Катя вздохнула. Лицо ее сделалось печальным. Она сказала, качая головой:

– Вы иногда так меня огорчаете. Внезапно, посреди бела дня... Какая хорошая погода, но она меня больше не радует. Солнце с утра было ласковое, – продолжила она, задумчиво

глядя в окно на виднеющийся сад. – Вы и ваши люди портите мне настроение.

Катя замолчала и, опустив голову, принялась перебирать складки платья. Губы ее оставались сомкнуты и неподвижны. Временами она разжимала их, как будто хотела что-то сказать, поднимала голову и смотрела на Сергея Ивановича.

Она сидела так некоторое время, затем закурила и произнесла:

– Тело выкинули за борт?

– Да. – Сергей Иванович кивнул в ответ.

– Ну и правильно, – она затянулась и, выпустив дым в окно, продолжала:

– Такие дураки меня всегда раздражали, – она чуть улыбнулась. – Это все для девочек с восторженными глазами. Герои боевиков на экране, а в жизни все куда прозаичнее. У него осталась семья?

– Да. Две девочки. 10 и 12 лет.

– Пошлите жене деньги. Пусть успокоится. С девочками легче, чем с мальчиками.

Катя вытянула руку и отряхнула пепел в овальную пепельницу, выполненную по форме шляпки.

– Да, это вы любите, выкидывать людей за борт. Я давно заметила, – произнесла она, укоризненно глядя на Сергея Ивановича.

– Ну, а куда еще? – Сергей Иванович сжал губы и, вздохнув, произнес:

– Надо стремиться к простоте. Зачем все эти сложности. – Он сделал грустное лицо, встал и принялся прохаживаться по комнате, рассуждая:

– Он стал стрелять, ранил одного из наших...

– Ваших, – тут же поправила Катя.

– Хотел поджечь корабль. Что бы нам тогда досталось? Обгорелые обломки, плавающие по воде? Что еще оставалось?

Сергей Иванович сел и обиженно посмотрел на Катю, ожидая, что она скажет.

Катя некоторое время молчала, задумавшись. Она положила сигарету в выемку борта шлюпки-пепельницы и стала покручивать ее двумя пальцами, наблюдая, как синеватый дым поднимается к потолку.

– Ладно. Перестаньте оправдываться. Что сделано, то сделано. Иногда встречаются такие болваны. Ему предлагаешь деньги, а он стоит как истукан, смотрит на тебя и вертит головой... Но все равно. Не огорчайте меня больше. – Катя протянула руку к самому лицу Сергея Ивановича.

– Постараюсь, – ответил Сергей Иванович, целуя ей руку.

– Еще нежнее... Надо целовать руку, а не кольца на ней. Вот так. Хорошо... Вы опять не брились утром?

– Некогда, все дела... Забегался. Извините.

Катя откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, сказала:

– Мы можем сейчас купить «BMD»?

– Нет. Сейчас нет, – ответил Сергей Иванович.

– А когда?

– Думаю, скоро.

– Скорее бы...

Глава 3

Вчера Катя увидела меня на лестнице не совсем одетого, около шести часов.

– Вы ходите здесь в одних трусах. Это неприлично!

– Я привык ходить так у себя дома. А вы, если помните, сами сказали мне «Будьте как дома», для моего же удобства. Если это конечно не пустые слова. «Я не привыкла бросать слова на ветер и всегда держу обещание» – вот фраза, которую вы время от времени повторяете или же вставляете слова из нее в нужный момент, в разговорах.

– Да, – ответила она, слегка смутившись. – Но есть определенные приличия и понимать слова, сказанные из вежливости и желания успокоить ваше здесь пребывание, сделать его удобным для вас не следует так буквально.

– Приличия это условности, не более, – возразил я, скрестив руки на груди. – Люди выдумали их для оправдания собственных поступков.

– Однако мне нравится ваше упрямство, с которым вы отстаиваете свою точку зрения, – она улыбнулась и, благоклонно взглянув на меня, продолжила. – Давайте пройдем в гостиную. Я попрошу подать нам туда кофе со сливками, любите?

– Лучше, со сгущенкой!

Она обернулась и добавила:

– Только оденьтесь, как подобает для вечера в обществе дамы.

И опять улыбнулась. Удивительно, как простая улыбка может изменить лицо человека, разумеется, в лучшую сторону. И как приятно видеть это изменение, наблюдать его.

Когда я вошел в гостиную, она оказалась пуста, Катя еще не пришла. Да она и не могла прийти, так быстро. Я знал это и поэтому пришел первым. Сел в кресло возле круглого столика и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Появилась Катя, в темном платье ниже колен с закрытой грудью и высокой талией. В нем она напоминала даму из рыцарских времен. Все равно, что на ней было одето. Сначала она мне просто нравилась, потом нравилась очень. Я часто думал о ней, представлял ее в разных одеждах. Это происходило вечером и утром, когда я засыпал и просыпался, она снилась мне.

Она села, молча расправила складки платья и подняла на меня печальный взгляд, слегка задумчивый. На ее шее я заметил медальон с диковинными узорами позолоты. Если открыть его, то, наверное, можно было бы рассмотреть маленькую прелестную головку, нарисованную художником на заказ.

Я не решался спросить ее об этом медальоне. Она молчала. Я заговорил первым:

Она поджала губы и, чуть помедлив, ответила:

Да, опять этот шум после восьми вечера. Я всегда говорила, что нужно бить морды. С такими людьми необходимо

поступать только так. Иначе им не понять. Они – Вы не в духе, что-то случилось?

– Уважают лишь силу и ей одной подчиняются.

– Рабочие в башне?

– Да, – она вздохнула. – Я пришла поздно, выпила таблетку и задремала. И тут опять эти звуки! Заткнуть уши, положить подушку на голову? Но это же смешно! – проговорила она взволнованно и уставилась на меня.

– Да. Вы правы, неприятно.

Катя откинула голову на спинку кресла и, глядя в потолок, продолжила ровным спокойным голосом:

– Молодость не понимает, как может быть сладок сон. Эти обрывки сновидений, частички волшебства. Иного мира, в который погружаешься, закрыв глаза, натянув на себя теплое и мягкое одеяло.

– Вы считаете, что сон это реальность? – я вопросительно посмотрел на нее.

– Думаю, да. Я предпочитаю просыпаться сама и не люблю, когда меня кто-то будит подобным образом.

– Я согласен с вами. Это все равно, что стаскивать одеяло с незащитного тела. Это жестоко лишать человека отдыха, отнимать минуты сна, такие драгоценные и необходимые подчас.

Она тут же подхватила:

– Работа накладывает определенный отпечаток. От этого никуда не деться. Каждодневные проблемы и дела, которые

я вынуждена решать, изматывают меня, перегружают мозг и изнуряют тело. Сон возвращает мне силы и питает меня словно целебный эликсир. Покой необходим мне как воздух, – рукой Катя указала мне на пачку сигарет, предлагая.

Затем сама достала сигарету и закурила. С наслаждением, затягиваясь, продолжила, но уже с большим выражением и страданием в голосе.

– Прерванный сон это, как недосказанная фраза оборванная на полуслове, словно недопитый бокал вина, падающий из рук и разбивающийся вдребезги... разве не бывает жаль?

– Да мадам, конечно, жаль.

– Не называйте меня «мадам», прошу вас. Я достаточно наслушалась этого за день. Хотя бы вечером просто по имени.

– Хорошо, Катя. Буду называть вас так.

– Спасибо, спасибо, – она улыбнулась печально.

– Вы знаете, Катя, ведь эти рабочие... они живут своей жизнью, также как вы своей. Я попробую объяснить вам, чтобы вы не столь болезненно воспринимали такие события.

– Ну, хорошо, попробуйте! Но вряд ли у вас это получится, – она с интересом взглянула на меня и снова уставилась в потолок, ее руки расслабленно повисли.

– Вот вы живете своей жизнью, – начал я. – Она, безусловно, важна для вас, потому что она ваша, вероятно только поэтому и еще потому, что вы считаете ее правильной: работа, дом, знакомые, поездка в Финляндию и так далее. Какие-то

проблемы, разумеется не без этого. А рядом живет кто-то другой, своей жизнью со своими привычками и проблемами. Привычки особенно странные и нехорошие могут создавать определенные сложности и причинять неудобства окружающим. Его жизнь важна для него, как и ваша для вас. Она ценна для каждого из вас и с возрастом становится бесценной, так как каждый из вас понимает, что жизнь не вечна, она бесценна хотя бы поэтому, что конечна. Мы привыкли жить, как живем, и менять привычки никогда не хочется. Подстраиваться друг под друга сложно. Когда привычки сталкиваются, появляются трудности, часто непреодолимые, они выматывают и портят настроение.

– Да, – промолвила Катя. – Вы правы, подстраиваться друг под друга сложно. Особенно, когда ненавидишь человека, под которого нужно подстраиваться.

Я вопросительно взглянул на нее.

Мы поженились спонтанно. Я влюбилась. Это был необдуманный шаг, теперь я понимаю. Муж оказался не таким, каким я его придумала, совсем не таким. Он все время повторял: «Люблю тебя!», но это были просто слова. Уходя, он никогда не оглядывался. Никогда. Вскоре, он начал раздражать меня. Его голос, походка, жесты, привычки – словом: все отталкивало. Вечерами сидишь с ним за одним столом, ждешь его с работы, понимая, что совершила ошибку. Уткнувшись в экран телевизора усталым взглядом, ощущаешь его присутствие, ставшее давно тягостным. Безразлично

ложишься с ним в одну постель, подбадривая себя избитыми фразами. Вот почему женщины изменяют. Они хотят попробовать, как будет с другим мужчиной. Все эти анекдоты про мужика в шкафу: муж в командировку, жена в кладовку. Ха-ха! – она устало засмеялась.

– Вы разошлись, надо полагать?

– Нет, я вдова, – она посмотрела на меня из под полузакрытых ресниц.

– А дети?

– Зачем? – ее лицо изобразило неподдельное удивление. – Не могу понять, зачем вешать на себя кучу проблем?

Она усмехнулась, закурила и продолжила:

– Гулять по парку и катить перед собой коляску, потом бежать, смешно махая руками, если малыш полезет в какую-нибудь лужу? Зачем все это? К тому времени у меня уже был ребенок, и я считала, что достаточно. Однажды, я пришла домой гораздо раньше, чем приходила обычно. Муж сидел и читал. Но вот что мне показалось странным... Его взгляд, каким он посмотрел на меня, был испуганный. Я решила развить тему: «Что не ожидал?» Попутно прохаживаясь, я увидела на балконе два окурка: «Ты же не куришь такие! Кто-то приходил?» На фильтрах были следы помады, он молчал. «Ай, как опрометчиво. Не успел выкинуть? Потерял осторожность?» – Затем я решила подыграть ему и обернула все в шутку. Появились те детали, которых я не замечала раньше. Ну, и запах чужих духов в комнате – это так избито!

Я раньше не доверяла ему, а теперь окончательно перестала верить. Я не могла просто разойтись с ним. Мир оказался более материален, чем я думала. От этого все отталкивается, и все приходит к этому рано или поздно. Материя основа, чувства не так важны, точнее не так, как я полагала. В молодости я думала, что женятся по любви, как и все девушки моего возраста. Но жизнь внесла свои коррективы, и все расставила на свои места. Иллюзии рассыпались, лопнули, как мыльные пузыри. – Катя потушила сигарету и воскликнула. – Я знаю тысячи удовольствий! Я испытала их все и скажу, что ничто не может сравниться с упоением от свершившейся мести. Когда женщину берут силой, она мстит. Но и когда ей отказывают, она тоже мстит. Неважно, какая месть окажется страшнее. Жажда мести поглотила меня целиком. Я жила этим, мечтала об этом каждый день.

Она замолчала, потупившись, и глаза ее, сверкавшие огнем, померкли. Но ненадолго. Вот она снова оживилась, подняла голову, посмотрела на меня пристально и сказала:

– Иногда одно слово может изменить все, особенно неосторожно сказанное, вырвавшееся вместе с презрительным взглядом, ехидной ухмылочкой, часто случайно. Это помогает лучше узнать человека, сорвать маску с его лица и может быть узнать до конца и поставить точку. Разорвать отношения непросто. Они складываются зачастую годами и шлифуются временем. Бывает так, что я специально провоцирую собеседника на такие откровения. Довожу его, так

сказать, до нужной кондиции. Не торопясь, постепенно распаляю, заставляя говорить правду. И вот она врывается, наступает момент, он изменяет мое отношение к собеседнику. Это доли секунды, как удар, внезапно, но я готова к такому моменту. Этот удар не становится для меня неожиданно ошеломляющей и сбивающей с ног. Ведь, я сама этого хотела. Даже люди, которых считаешь друзьями, показывают и свои худшие стороны. А что уж говорить об остальных знакомых? Мне интересно это всякий раз, когда я это делаю. Вдруг, – она тихо засмеялась. – В какой-то миг он понимает, что совершил промах, но уже поздно. Дело сделано, и песенка его спета. Вот и с тобой, ты не заметил подвоха?

– Какого подвоха? – насторожился я.

Катя удобнее расположилась в кресле, откинувшись на его спинку, взяла со стола сигареты и, закурив, объяснила:

– Но твоя ложь так невинна, – она сделала затяжку и медленно выпустила дым в сторону. – Ты сказал: «Я взял две конфеты», а на самом деле, ты взял четыре, – она лукаво взглянула на меня. – Их много в вазочке, кто будет считать? Верно?

Я кивнул головой:

– Значит, вы сосчитали их предварительно?

– Значит, сосчитала. Или за меня это сделали другие. Какое это, впрочем, имеет значение? Такая мелочь, ерунда, однако интересно все же. – Катя заулыбалась после этих слов, но затем лицо ее стало серьезным и строгим. – С возрас-

том я все чаще стала задумываться над тем, кто поддержит мою слабеющую руку? Разве, в такие тяжелые минуты, тогда, когда тебе особенно тяжело, легко бывает дозвониться до детей, живущих порой далеко и занимающихся своими делами? Свои проблемы их волнуют зачастую больше, нежели состояние их матери. Часто я завидовала тем парочкам, которые вместе много десятков лет. Им просто повезло, но в каждом случае есть исключения. Не надо стремиться выйти замуж любой ценой. Лишь бы за кого. И тешить себя мыслью: «Я замужем!» Вертеть рукой с обручальным кольцом на пальце у других перед носом специально, чтобы его видели. У мужчин из желания отомстить им за то, что они не добились меня, а у женщин, доказывая им, что востребована и ничуть не хуже их. Раньше я думала, что мужчина должен быть активнее, чем женщина, он должен выбирать и предлагать. Теперь я знаю, что выбирать должны оба. Роль женщины в начале знакомства и дальнейшем развитии отношений заключается не в том, чтобы мило улыбаться и строить глазки, не сидеть в смущении, потупив взор. никоим образом! Она должна быть такой же активной, как и мужчина, если не более. Отношения необходимо строить совместными усилиями!

Катя замолчала, задумалась, и взгляд ее устремился в одну точку. Она сидела так некоторое время, затем очнулась, повернула голову и сказала:

– Я прошу вас прислушаться к моим советам, самым на-

стоятельным образом. Они исходят из опыта и знания жизни.

– У вас есть подруги?

– Да, как сказать. Все живут своей жизнью. Была одна. Я пыталась ее вытащить в театр на выходные. А она все рассказывала мне, что если брать картошку на рынке, то там дешево, но много гнилой попадается. Поэтому, убеждала она, надо брать в магазине и непременно сеткой. Так лучше. А потом я поняла, ей просто нравится вся эта кутерьма. Вариться в этой каше – это ее жизнь. Ждать дочку с работы, ругать пьяного мужа, бегать по магазинам и жаловаться на недостаток денег. И лишь такая жизнь имеет для нее какой-то смысл. А вечером по телефону она будет рассказывать все это своей подруге, помешивая ложкой в кастрюле. А ее подруга, в это время, прижимая плечом трубку к уху, будет ей поддакивать, и, нелепо согнувшись, доставать вещи из стиральной машины. Навешать на себя кучу проблем и идти по улице с перекошенным лицом и потухшим усталым взглядом. А в голове постоянно крутится одно и то же: «Не опоздал ли внук в школу, не болит ли у него животик? Как дела у дочки на работе, поставила ли она суп в холодильник, а не оставила ли его на плите, ведь, он может скиснуть! Погулять с маленькой, да не забыть постирать и поменять вовремя. Грудные дети такие плаксивые, закатят концерт на всю ночь».

Она замолчала. Я подошел к окну.

– А кто это там катит телегу? – спросил я, увидев одино-

кую фигуру в глубине сада.

– Это наш садовник, – ответила Катя.

Когда садовник приблизился, я разглядел его лучше.

– Что у него с лицом?

– Давайте переменяем тему, дался вам этот садовник? Лицо, как лицо!

– Наверное, он упал с обрыва?

– Он не слушался, – тихо сказала Катя, усмехнулась и заметила. – Непослушание отразилось на его лице, и как видите, не лучшим образом.

– Вы запустили в него вазой?

– Все! Хватит об этом! Смотрите, какая погода хорошая!

Впрочем, спросите у него, если интересно.

– Ничего хорошего, идет дождь. Я спрашивал уже.

– Да! Но разве это нехорошо? И что он сказал?

– Говорит, что упал.

Катя тихо засмеялась, наклонив голову:

– Они все так говорят, – сказала Катя сквозь смех. – Боятся, что я их уволю. Разве это не прекрасно, работать в таком саду? Здесь так чудесно! – она развела руками. – Посмотрите, сколько цветов, какие кусты и деревья?

– А вы бы не хотели выйти замуж? – спросил я неуверенно.

Катя засмеялась и ответила:

– Да Бог с вами. Я сыта этим по горло. Сейчас у меня есть нечто важнее. Некое состояние покоя...

При этих словах взгляд ее стал задумчивым.

– Это лучше, чем быть с каким-то мужчиной.

– Ну это же не просто: «Быть» – неуверенно возразил я.

– В сущности все к этому сводится в конце концов. Это сначала интересно и нравится. Постель, прогулки при луне, нежные слова и тому подобное. Даже увлекает. Потом появляется быт. Он все убивает и ничего не остается. Ничего. – Катя задумчиво, глядя в одну точку прямо перед собой, повернула голову и взглянула на меня с грустью и сожалением.

– Так пусто станет на душе и горько и разговаривать не о чем. У меня до сих пор горький осадок остался. Я не могу это забыть... И потом, выйти замуж только для того, чтобы надеть свадебное платье? Как мечтают некоторые молодые дурочки, одни из тех, что проходят мимо нас по улице. Обзвонить всех и сказать: «Я выхожу замуж». Чтобы завидовали? Пригласить на свадьбу, чтобы завидовали еще больше? У меня есть деньги и власть. Это больше, чем кривляние во дворце бракосочетания выглядевшее торжественным. Это обман, иллюзия счастья, в которую окунаются с головой молодые пары. А что потом? Скука отношений? Разбитая посуда с угрозой в голосе?

Глава 4

Мы снова встретились на лестнице. Катя спускалась, а я поднимался.

– А где ваша дочь? Что-то ее не видно.

– Уехала отдыхать, она ведь учится, ей надо сменить обстановку. А что? Она вам зачем-то понадобилась?

– Нет, просто... – я замялся.

Она улыбнулась, видя мое смущение, и предложила:

– Пойдемте, лучше прогуляемся. Погода сегодня чудесная. Солнце пока яркое.

– Не знаю, как бы дождь не зарядил. Вон тучи собираются. А что это там за сборы? Что-то намечается? И почему вы не вешаете портрет, ведь вам его давно передали?

– Да, я тут собираю старых знакомых, – неуверенно ответила она.

Мы пошли через парк, переговариваясь на ходу.

– Любите осень? – спросила Катя и взяла меня за руку. Она приветливо поглядывала на меня на протяжении всей прогулки.

– Да, – ответил я. – Мне нравится, когда листья шуршат под ногами, как они пахнут, как их уносит ветер. Все это создает особое настроение грустно-задумчивое. Летом как-то не так. Осень это как итог, завершение она подводит черту, заставляет задуматься, поразмыслить. И мысли эти не всегда

бывают веселыми, далеко не всегда.

– Если приходиться к сравнению, – заметила Катя, – то весна это юность, лето; молодость, осень – зрелость, а зима – старость? – она подняла несколько листьев и поднесла их к лицу, вдыхая.

– Но, где же детство? – продолжил я разговор. Она промолчала. Мы подошли к озеру.

– Вообще-то я не люблю вечеринки – призналась Катя, когда мы гуляли по берегу озера, – но иногда устраиваю такие невинные развлечения. Хочется взглянуть на знакомые лица, посмотреть, как ведут себя, когда собираются вместе друг перед другом и в отдельности. Видеокамеры установлены по всему дому, кроме столовой и гостиной. Вся территория парка и двор просматривается, ведется запись.

– Почему столовая и гостиная без наблюдения?

– Я думала, вы догадливы. Все очень просто. Столовая, чтобы люди спокойно кушали и были уверены, что за ними никто не наблюдает. А в гостиной мы собираемся для игры в карты. Службе безопасности не обязательно видеть все это. А вот я наблюдаю: кто во что одет, кто с кем пришел, что-то нравится, что-то нет. Такие наблюдения полезны для восприятия. Иногда, что-то раздражает, либо успокаивает.

– Скажите, Катя, вы любите аккуратность и порядок. Весь ваш дом – образец чистоты, тут все по правилам. А вот парк в английском стиле, никто не подстригает там кусты и не выстраивает деревья в ряд.

– Разве можно природу выстроить в ряд и подстричь? Ее нельзя подчинить своим выдуманным правилам. Разве что лужайки перед самым домом подстригают, это необходимо, трава растет лучше. Думаю, что природа на меня не в обиде за это. Это то же самое, что подстригать ногти.

Я посмотрел на свои руки со следами не до конца отмытой краски. Она заметила мой взгляд и сказала:

– Не волнуйтесь, это профессиональное, и потом, они же у вас не в крови, Слава Богу.

– Это зависит от состава красок. Есть такие, которые очень трудно отмыть, – пояснил я, – слишком много составляющих из тяжелых металлов. Рисовать в перчатках невозможно, нужно чувствовать кисть любую, тем более тонкую. В перчатках легко разрисовывать матрешек, машинально, автоматически до отупения, но и в такой работе можно находить приятность схожую с искусством, творческий порыв, который воодушевляет. И лица матрешек кажутся не такими одинаковыми. Раньше я так и делал, разрисовывал тарелки, подносы, разделочные доски.

– Смотрите заход, какой кроваво-красный, – она взглянула на небо. Я повернулся и тоже посмотрел:

– Да, действительно, завтра будет ветер, похоже.

Когда я повернулся, Катя смотрела прямо на меня, в ее глазах отражалось солнце и они сверкали этим красным огнем. Она продолжала смотреть, желая, казалось, прожечь меня насквозь. Столько было чувства в ее взгляде столько

силы и красоты.

Я смутился, краска бросилась мне в лицо. Катя, заметив мое замешательство, отвела взгляд и протянула мне руку ладонью вверх. Я взял руку, и мы пошли к дому через парк.

– Сожми мою руку сильно, как только можешь! – попросила она. – Да, вот так, только еще сильнее, пожалуйста.

– Вам же больно! Зачем? – спросил я, и мы остановились.

– Я привыкла к боли. Жизнь моя – сплошная боль.

Мы углубились в парк, идя рука об руку.

– В детстве я любила собирать желуди и листья.

Катя наклонилась и, подняв пару желудей, протянула их мне на ладони.

Я взял их, коснувшись ее руки специально так, чтобы мои пальцы задержались подольше.

«Какая мягкая ладонь»; подумал я и ответил:

– Я тоже любил и делал из них человечков.

– Как? Каким образом? – заинтересовалась Катя.

– Ноги – спички, разрезаешь желудь, который покрепче вдоль, это ступни. Довольно просто. Голова тоже желудь, только поменьше...

– Это, как в мультфильме? Про лесовичка?

– Ну да, оттуда и взял.

– А лицо рисовали?

– Нос можно вставить кусочком спички, а рот, глаза и брови нарисовать. Я любил рисовать осень в Таврическом саду. Грустные пейзажи.

– Но когда солнце, детский смех и если дождь не идет, ведь они не грустные. – Катя остановилась и посмотрела на меня. – Собирали гербарий, наверное?

– Нет.

– Почему? Ведь все собирали и задание давали такое.

– А я нет. Назло училке не стал собирать. Все принесли свои листочки, а я нет.

– А какие вам больше нравятся кленовые или дубовые? – спросила Катя.

– Не знаю. А вам?

– Угадайте с трех раз.

– Кленовые?

– Нет.

– Ну, тогда ольховые?

– Нет.

– Так... так... Дубовые?

– Не угадали! – Катя побежала вперед, повторяя нараспев, – Не уга-да-ли! – Она остановилась и подняла листик, – Вот он!

– Ну, это же рябина? Конечно, столько деревьев вокруг. Разве можно угадать, тем более с трех раз? Невозможно.

Катя стояла и вертела лист в руке, покручивая его из стороны в сторону. Затем вздохнула полной грудью и произнесла:

– Какой чистый, прозрачный воздух! Легко дышится.

– Интересно, – заметил я, – почему у одних деревьев ли-

стья уже пожелтели и опали, а у других еще зеленые?

– Наверное, им нравится осень и они ждут ее. Ведь они живые. Они переговариваются друг с другом... Шепчутся... Я слышу их голоса, когда прогуливаюсь. Вы не слышите?

– Это ветер качает ветки, деревья не могут шептаться.

– Могут! – она посмотрела вверх и потянула меня за руку, вы же художник. Включите воображение. Вон там, смотрите.

– Большой дуб? Да, вижу.

– Нет, рядом... Береза. Видите? И тополь, там наверху, среди листьев, в кроне. Они ласково касаются друг друга ветвями и шепчутся о чем-то своем.

Я стал всматриваться и вздрогнул от неожиданности.

– Да, вижу. Странно. Ветра нет, а ветки двигаются... Почти не заметно. Если бы вы не показали, я бы ничего не разглядел. Теперь я стану рисовать деревья. Мне стало интересно.

– А кто это? – я кивнул в сторону бегущего по тропинке человека в спортивном костюме.

– Наш управляющий, спортом занимается, – Катя хихикнула, проводив его взглядом, – тоже мне, физкультурник! Лучше бы делом занялся, взял грабли, подмел дорожки, листья бы в кучи собрал. А то наш садовник слегка приболел.

– Да. Что-то его давно не видно. Он и фонтан чистил.

– Теперь его самого приходится чистить, – глухо сказала Катя. – Мы что-то про бегунов обсуждали? Давайте продолжим тему, а то наш садовник меня огорчает в последнее вре-

мя, не будем о нем.

– Хорошо, – согласился я. – В Таврическом саду таких бегунов много. Один даже мой мольберт опрокинул. Зацепил ногой и не извинился. Побежал дальше с красным лицом.

– Это от безделья они бегают, – подхватила Катя. – А то еще по улице бежит такой. Что за удовольствие – дышать выхлопными газами?

Я засмеялся:

– Вот, вот! Я тоже не пойму, неужели работы нет? Эти придурки меня всегда смешили. Лучше бы дома порядок навел. Взял пылесос в руки, жену бы разгрузил.

– Ха-ха! – Катя отвернулась, пытаясь справиться с внезапно напавшим на нее приступом смеха.

– Идиот! – сказала она, сквозь хохот. – Я тут представила... Ха-ха! Это как рыбаки-пьяницы. Поедут на рыбалку, а сами напьются вдрызг. А жены их дома ждут, еду готовят... Ох! Не могу-у! Вот умора! Придет такой и рассказывает какую рыбу поймал, руки в стороны разводит. А сам-то еле живой, устал бедняга.

– Хорошо, что в прорубь головой не упал!

Мы сели на скамейку, продолжая веселую тему.

– Да-а-а... – протянула Катя. – Руки в стороны: «Вот такая щука» – показывает.

А жена ему: «И где она»?

«Сорвалась, ушла!» – отвечает.

Глава 5

«Есть некоторые вещи, которые доставляют такое наслаждение, что невозможно найти слова, которыми можно было бы их выразить. Душа слишком тронута, слишком взволнована: нужно на мгновение уйти в себя, дабы насладиться и полностью оценить то, что ты ощущаешь, что будет потеряно без такого внутреннего созерцания».

Маркиз де Сад «К госпоже де Сад» (Письма из Бастилии)
4 августа 1787 года.

Рано утром я спустился в гостиную. Портрет висел на самом видном месте. Катя была как живая в черном платье с отливом с закрытой грудью (она сама просила), на ее шее висел медальон, тот самый. «Благородная дама» – подумал я и улыбнулся. Ведь я сам написал его, так приятно видеть плоды своего труда. Он дался мне на удивление легко, даже слишком. Потому что она нравилась мне, и я выплеснул на этот холст то, что было внутри меня, все накопившееся чувства к ней, с должным уважением к ее образу, пленившему меня, с того первого дня, когда ее увидел.

Я вздохнул и по привычке протянул руку к конфетнице, но тут же отдернул, глядя на портрет. Катя чуть улыбалась, мне стало неловко. Ведь я помнил каждый мазок на холсте, помнил, как они накладывались друг на друга и в каком по-

рядке, как смешивались, как я менял складки на ее платье и в какой последовательности это делал. Но вот ее улыбки раньше не было. «Это, скорее всего, так падает тень» – успокоил я себя. Хотел, было, уйти, но, обернувшись, увидел Катю. Она стояла в дверях и смотрела на портрет. Затем подошла ближе.

– Спасибо! Такой подарок! – воскликнула Катя, разглядывая портрет. – Спасибо! – еще раз повторила она.

– Но вы же заплатили мне, не похоже, что это подарок, – заметил я.

– Я воспринимаю его, как подарок. – Катя отступила назад несколько шагов, желая посмотреть издали. Она повернула лицо и произнесла взволнованно, глядя мне в глаза:

– Вы задели мне сердце и оно...

Катя поспешно вышла, опустив голову, ускоряя шаги. Ее черная юбка с каймою белых кружев по краям мелькнула на лестнице и исчезла.

Я поймал себя на мысли о том: «Что она одела сегодня? Чулки или колготки? Отчего же меня это так волнует? И какое может иметь это значение?»

К вечеринке было все готово. К шести вечера стали подъезжать машины. Из них выходили люди, чаще парами, нарядно одетые.

– Пришли показать свои платья, – заметила Катя. – Кто во что, как всегда. В последнее время дочь стала куда-то пропадать. Поздно возвращается, прячет глаза.

– Возраст такой. А вы знаете, когда я увидел ее возле ворот гаража, с рюкзачком за спиной, она обернулась и кивнула мне, улыбаясь. Она такая милая.

Катя насторожилась:

– Куда это она? А мне ничего не сказала.

– Ну, я не об этом. Дело не в том, что «куда», я вообще – я замолчал и задумчиво посмотрел на небо.

– Когда Ольга качается на качелях и смотрит в облака, – продолжил я после некоторой паузы, – она похожа на девочку из фильма. Такой черно-белый фильм про детство, про школу. Наверное, рядом лежит ее портфель с учебниками, в нем еще пенал, какая-нибудь игрушка: может кукла или пупсик, всякие девчоночьи штучки. Все такое аккуратное, приятно посмотреть.

– Смотрите, почти все приехали, – сказала Катя, оглядывая собравшихся гостей. На лужайке перед домом стояли гости, человек пятьдесят. Они говорили друг с другом, кивали головами, смеялись и неторопливо прохаживались вдоль аккуратных газонов, беседуя.

– Пойдем к ним. – Катя увлекла меня за собой, обнимая за спину.

Мы подошли и остановились возле одного из газонов. Оглядываясь, я заметил несколько девушек в синей униформе, они оживленно переговаривались, я сказал Кате:

– Эти девушки из бара, они такие симпатичные.

– Симпатичные? Нисколько! Если их раздеть догола и по-

ставить под душ, от их мнимой красоты ничего не останется, – она махнула рукой и пренебрежительно продолжила. – Это все умело подобранные шмотки и слой косметики. Их головы пусты, там нет ничего, кроме болтовни с подругами о теме, которая их больше всего волнует.

– И какая это тема?

– Да, Бог мой?! Как удачно выйти замуж, конечно. Что же их так сильно волнует по вашему мнению?

– Может, они говорят об искусстве, о недавно прочитанной книге, о фильме, который потряс их и заставил задуматься? – предположил я.

Услышав мои слова, Катя прыснула со смеху и отвернулась, через мгновение она ответила:

– Найти старичка-миллионера, затем разными способами свести его в могилу и заграбастать его миллионы. Вот они и прихорашиваются в надежде, что мужчины обратят на них внимание.

– Но почему старичка? Разве не достаточно молодых и богатых людей?

– Старички менее требовательны, я так думаю. Молодые больше избалованы женским вниманием. Ну, сам посуди: молодость, плюс нередко хорошая внешность, прибавь сюда деньги, связи. Иметь с ними роман более проблематично, чем с пожилыми мужчинами.

– Короче говоря, – вставил я. – Старика легче надуть, пустить ему пыль в глаза.

– Конечно! – Катя прошлась по бетонному поребрику газона, поправила табличку «По газонам не ходить!» и посетовала. – Пишешь-пишешь, все равно прутся.

– А вот эти? – спросил я и показал на двух женщин, не спеша прогуливающихся по дорожкам возле фонтана. Одна была в красном, другая в голубом платье.

В это время к нам подбежала девочка:

– Екатерина Ивановна, а когда включат фонтан? – спросила она и запрыгала на одном месте, пританцовывая.

– Скоро уже, иди, поиграй в мячик, только не бросай его в воду, – ответила Катя и слегка подтолкнула ее рукой.

Та побежала, радостно махая руками. Катя обернулась ко мне:

– Ты про кого это? Про них? О! Это из другой команды. Цыпочки-разведенки, с детьми подростками коварными, ревнивыми и злыми. Они и сами измученные неудачами на брачном поприще, становятся такими же злыми и коварными, если не хуже. Я их хорошо знаю.

Она смерила «цыпочек» пристальным взглядом.

К нам подошел Сергей Иваныч и сказал торжественно:

– Мадам, все собрались и ждут вас. Все готово, – он поклонился и отступил в сторону.

Катя улыбнулась и последовала к небольшому возвышению. Там собралась толпа из гостей, между собравшимися сновали официанты с подносами уставленными фруктами с шампанским. Я пошел следом за ней.

– Посмотри, – сказала она мне через плечо. – У кого глаза блестят – значит, «набрался», – она улыбнулась, поджав губы, затем снова сделала серьезный вид и с таким выражением на лице подошла к гостям.

– Здравствуйте! Рада Вас видеть у себя, – она закрутила головой во все стороны, улыбаясь. – И вы пришли? – спросила она пожилого человека в очках, с круглым добрым лицом.

– Да, я очень люблю гостить у вас, – ответил тот, наклонив голову.

– Вот и славно. Хороший доктор всегда пригодится.

– Ах! Спасибо! – круглолицый растаял, лицо его порозовело. Он снял очки и стал с волнением протирать их носовым платком.

– Так, – продолжила Катя. – Все желающие собрались? Ну, кто не успел, тот опоздал!

– Вот-вот. – Сергей Иваныч захихикал. – Тогда начнем, – он подошел к срезу дерева, на котором лежал футляр и, раскрыв его, достал сложенный лук, напоминающий спортивный. – Мадам, прошу вас!

Сергей Иваныч протянул Кате оружие. Катя приняла его. Выставив левую ногу вперед, расправила плечи.

– Стрельба из лука это искусство! – сказала она и вложила стрелу. Принесли мишени – черные кружки на белом фоне. Катя молча наблюдала за приготовлениями. Затем, повернув голову ко мне, сказала:

– Ружья, пистолеты – это все не то! Ничто не может срав-

ниться с летящей стрелой со свистом рассекающей воздух! Лук – самое древнее оружие на Земле.

Она выпустила стрелу, почти не целясь. Еще одну, несколько секунд спустя, полетела третья. Все мишени были поражены. Гости восторженно загудели и захлопали в ладоши. Послышалось:

– Bravo!

– Изумительно!

– Вы наша охотница!

Одна из двух женщин-разведенок, в красном платье, предложила:

– Давайте развлечемся? Придумаем что-нибудь увлекательное, щекочущее нервы? – она была явно навеселе.

– Я не прочь встряхнуться! – Катя повысила голос. – С тебя и начнем, раз ты такая смелая! Поставьте ее на десять шагов от меня.

Сергей Иванович понял, в чем дело и дал знак охранникам. Те подскочили и потянули даму в красном. Кто-то из гостей догадался что нужно, принес яблоко из вазочек с фруктами. Яблоко поставили даме на голову. Все замерли. Катя вложила стрелу и подняла лук вверх, натянула тетиву, прицеливаясь. Она медленно опустила левую руку. Дама не успела прийти в себя, не соображая: шутка это все или всерьез. Яблоко, сбитое стрелой, упало с ее головы, разлетевшись на лету.

Всеобщее ликование охватило, гостей в тот же миг. Да-

ма в красном платье продолжала стоять с растерянным видом, хлопая глазами, то, открывая, то, закрывая рот. Хмель выветрился из ее головы. Она медленно пошла в парк, села на скамейку и сидела некоторое время, пока не пришла в себя окончательно.

К ней подошел доктор в очках, от выпитого вина его лицо стало еще более круглым. Он взял ее руку и нащупал пульс.

– Не надо так переживать, моя милая, – сказал он и улыбнулся. – Это всего лишь шутка, не более.

– Перестаньте издеваться! ответила дама в красном и убрала руку.

– Вы делаете Катьке массаж, убажая ее. А может не только массаж? – ехидно добавила она.

– Как вам не стыдно! Я со всей душой. А вы...

Обиженный доктор поспешил удалиться.

Сергей Иванович, проходя мимо, бросил, повернув голову:

– Не обижайте нашего доктора, а то вам поставят на голову еще одно яблоко!

Глава 6

На следующий день мы снова встретились с ней на лестнице. Вечером. Было поздно. Я спускался, а она поднималась. Остановилась, поставив одну ногу на ступеньку, и, укоризненно взглянув на меня, спросила:

– Почему вы не спите? Нужно отдыхать. Вы целый день ходили по округе. Я видела вас из окна. Ваш мольберт, он тяжелый?

– Я искал пейзажи.

– И как? Нашли? – она улыбнулась.

– Да, нашел несколько. Мне понравилось озеро, но издали. Вы знаете, когда на вас это темное платье, вы похожи на королеву.

Она тихо засмеялась, опустив голову:

– Вот еще выдумали. Платье из бархата.

– Оно мягкое? Вам хорошо в нем?

Катя подняла голову и ответила, смутившись:

– Потрогай, если хочешь, – она протянула мне свою руку с улыбкой на лице.

Я дотронулся до рукава.

– Мягкое, я так и думал.

– Вам все принесли? – она убрала руку и смотрела серьезно. – Все, что вы заказывали?

– Да, спасибо, но бумага нужна не та, но можно и такую.

– А какая нужна? Плотнее, верно?

– И кисти нужны тонкие, хотя бы пара.

– Я скажу, чтобы вам принесли все что нужно. Мне понравился портрет. Спасибо, вам заплатят завтра, сполна. При свечах он смотрится лучше, чем днем.

– Конечно, это же масло! Впрочем, так все пишут, ничего особенного. Прогуливаясь после ужина с альбомом в руках, я увидел, что Катя сидит на ступеньках беседки в глубине сада, задумчиво опустив голову.

– Катя, почему вы здесь сидите одна на ступеньках?

– Я отдыхаю. Хочется иногда остаться одной, посидеть в тишине, полистать журнал, может, открыть книгу. Давно ничего не читала, – она подняла голову и грустно посмотрела на меня.

– Вам скучно?

– Нет. Совсем не скучно. Я привыкла так и мне здесь нравится, в этой беседке. Когда цветет шиповник здесь особенно хорошо. А сейчас он отцвел, и лепестки все опали. Видишь? Лежат на траве.

– Вижу. Вам жаль, что он отцвел?

– Наверное, жаль. Всегда грустно становится, когда я смотрю на упавшие лепестки. Вы играете в карты? – спросила она с легкой улыбкой на лице.

– Да, немного.

– А в преферанс составите нам с Сергеем Ивановичем компанию? Нужен третий.

– Попробую.

– Тогда пойдем в гостиную, – она встала.

Мы поднялись в гостиную. Сергей Иванович уже был там он сидел за столом и что-то тихо напевал, наливая себе из бутылки. Когда рюмка, стоявшая перед ним, наполнилась, он осушил ее и выдохнул.

Катя поморщилась:

– Вот тебе и преферанс по пятницам!

– А сегодня что? Пятница? – Сергей Иванович повернул голову. Было видно, что он слегка «набрался».

Мы с Катей переглянулись и сели за стол.

– Вам, наверное, хватит, играть не сможете, – она достала колоду и, взглянув на Сергея Ивановича, взяла бутылочку, и спрятала ее в буфет. Раздала карты. Он ухмыльнулся:

– Еще как! Не думайте, что...

– Ваше слово, – перебила она его.

В дверь постучали. Вошел человек из охраны и сказал:

– Эта девчонка хочет назвать номер телефона и что-то еще. Вам необходимо поговорить с ней. Катя тут же встала и вышла из комнаты. Сергей Иванович, не долго думая, подскочил к буфету. Он быстро открыл дверцу, достал бутылку, налил себе целый стакан и разом опрокинул его, задрав голову.

– Ух! – выдохнул он, облизываясь. Затем также быстро сел на место и взял в руки карты.

По уверенности движений можно было предположить,

что такие «броски» он проделывал раньше. Слишком ловко и четко было все сделано.

Когда Катя вошла, он сидел со скучающим видом, как ни в чем не бывало. Конечно, я бы ни за что не стал выдавать его из чувства мужской солидарности, но играть было действительно неинтересно.

– Ну, что там? – она села на место.

– Я – «пас», художник – «раз», – ответил Сергей Иванович, вращая мутными глазами.

– Я скажу... тоже «пас», пожалуй, – со вздохом промолвила Катя.

– Шесть пик, – произнес я.

Началась игра. Катя снова поморщилась, замечая неверные ходы.

– Ренонс! – Сергей Иванович засмеялся, уткнувшись носом в карты.

– Какой к черту «ренонс»? – Катя уставилась на него презрительно.

– Играть невозможно! – заметил я. – Вы перепутали все взятки, Сергей Иванович.

– Отчего же перепутал? Позвольте... это моя, вот эта... – неуверенно ответил он и замолчал, ворочая глазами.

– Закончим на сегодня! Действительно, это не игра, – сказала Катя, положив карты на стол. – И вот еще что, Сергей Иванович...

Он остановился в дверях и вопросительно посмотрел

на нее, постепенно приходя в свое нормальное состояние. Катя стала медленно прохаживаться по комнате, приложив руку к голове, и говорила тихим голосом:

– ...Эта девчонка – горничная, она сказала все что нужно. Сделайте так, чтобы я ее больше не видела. Не могу смотреть на нее. Она не нужна нам более, – добавила Катя еще тише.

Сергей Иванович кивнул головой и ответил:

– Она раскаивается и, по-моему, искренне...

– Это все притворство! Продолжение игры, в которую она играла, работая здесь, скорее делала вид, что работает.

– Но мадам...

– Я не верю в раскаяние! – Катя посмотрела на него уничижающим взглядом. – Вы знаете, что надо сделать!

Она подняла левую руку и стала поправлять перстень на безымянном пальце, нетерпеливо поворачивая его из стороны в сторону, как будто он мешал ей.

Сергей Иванович удалился с мрачным видом. Катя проводила его взглядом, уселась на диван и, откинув голову на спинку, задумалась. Она стала разглядывать свои ярко накрашенные ногти. Затем сказала тихо:

– Я помню, как она улыбалась, глядя мне в глаза. О! Как она улыбалась?! Эта постоянная радость на ее лице... она всегда присутствовала. Вот тогда-то и родились мои подозрения. Теперь, когда все стало ясно, я хочу лишь одного...

– Чего же?

– Стереть улыбку с ее лица! Этот вид «постоянной доволь-

ности».

Я спросил:

– А сколько ему лет? Сергею Иванычу?

– Лет 55, наверное, точно не помню. Он давно со мной, с самого начала. Провернули с ним одно дельце и он «испачкался» от излишнего усердия. Я «отмыла» его и оставила при себе. Он верный старый волк, матерый. Такой не кинет в беде, не оставит тонуть в яме, не ужалит исподтишка, как другие, большинство. – Катя потянулась устало и прилегла удобнее, бросив подушку за голову. – Парочка удачных контрактов, – начала она после короткой паузы. – И я на высоте! Но как только появляются деньги, вместе с ними появляются новые знакомые, – при этих словах Катя нахмурилась и замолчала.

– Откройте, пожалуйста, окно, что-то душно стало, – попросила она и продолжила, вздохнув полной грудью, – они спешат примазаться, называют себя «друзьями», но я то знаю им цену, чего они стоят. Вместе с деньгами появились новые возможности. Они вскружили мне голову поначалу, но я быстро пришла в себя. – Катя отвернулась и, прищурив глаза, спросила тихо. – Что молчите? Разве я не права?

– Правы!

Она зевнула, прикрыв рот ладонью, и продолжила:

– Знаете, как бывает, когда у тебя нет денег и ты никому не нужна? Никто тебе не звонит: «Что ты? Как ты?», но ко-

гда появляются деньги, все меняется с точностью до «наоборот». Изменяется твоя жизнь, мир изменяется: больше денег – больше возможностей.

Она закрыла глаза и замолчала.

– Спокойной ночи! – сказал я и вышел, чувствуя, что ее необходимо оставить в одиночестве.

– Уже уходите? – Катя подняла голову.

– Да, уже поздно, – ответил я.

– Давайте прогуляемся перед сном, – предложила она.

– Давайте!

Мы вышли во двор и медленно пошли рука об руку.

– Сюда залетают чайки, – сказала Катя спокойным голосом. – Мне нравится слышать их крики. Они не беспокоят меня даже утром.

Внезапно она повернулась и, вопросительно взглянув мне в глаза, спросила:

– Поедемте с нами в Финляндию?

Я молчал, не зная, что ответить. Тогда она оживилась:

– Покупать все, что тебе захочется! Я до сих пор радуюсь, как девочка и не могу к этому привыкнуть. Такое ощущение...

– Наверное, это очень увлекает, – заметил я. – Не думать о деньгах.

Катя кивнула головой и улыбнулась:

– Эти, красивые пакетики со сладостями... Радуетесь словно ребенок! – глаза ее широко раскрылись и восторжен-

но засверкали.

– Ты же любишь сладкое? – спросила она, приблизив лицо.

– Да, очень. Но я не могу... Как-то, так сразу.

– Почему? – Она всплеснула руками в недоумении. – Там столько конфет в разноцветных обертках! Шоколадные, такие вкусные. А мороженое? Оно просто тает во рту! Фруктовое, сливочное, всякое разное...

Катя посмотрела на небо и покачала головой.

– Да, трудно себе представить такое изобилие, – согласился я.

– Ты не представляешь! – она рассмеялась.

Я тоже улыбнулся и спросил:

– А пряники? Там есть пряники?

– Сколько захочешь! Есть даже с шоколадом внутри. Ты ел когда-нибудь такие?

– Нет. Никогда. – Я грустно опустил голову.

– Вот видишь! Где ты еще сможешь все это попробовать? – она хлопнула ладошкой меня по плечу.

– Здорово! Как в раю. – Я сел на траву и задумался.

Катя присела рядом и продолжала:

– Лучше! Там спокойно – она обняла меня одной рукой и стала легонько раскачивать, баюкая и приговаривая монотонно:

– Никто не отвлекает тебя глупой болтовней, не шумит и не мотает нервы. – Затем наклонилась и прошептала мне

в самое ухо: – А изюм в шоколаде? Маленькие шарики... От них невозможно оторваться! Разве это не объедение? А ты еще сомневаешься: ехать или нет?

– Глупенький, – она ласково погладила меня по голове, – тут и думать нечего. Я не оставлю тебя в покое, пока не согласишься. А? – она внезапно пихнула меня локтем так сильно, что я потерял равновесие и чуть не упал на бок.

– Поедем и точка! – воскликнула она и решительно встала.

Мы расстались довольные друг другом.

Катя пошла к себе в комнату, но через некоторое время вышла во двор. Звеня ключами она спустилась по лестнице и открыла большую железную дверь.

– Милочка, ты еще жива? Ты не все сказала!

– Да, мадам, я подумала...

– Нет, ты плохо подумала, – перебила она ее, спускаясь по ступенькам.

– Но здесь крысы, я боюсь!

– Если не скажешь, кому ты звонила, то останешься здесь навсегда!

Катя подошла ближе и ткнула связкой ключей в лицо девушки. Та отскочила в угол комнаты и заплакала.

– Дура набитая! Зачем ты приехала сюда из своей глубинки? Жила бы в маленьком домике, нарожала бы детей, возилась бы на кухне целый день и пеленки бы стирала. Ей, видите ли, приключений захотелось. Да таких как ты смазливень-

ких здесь полным-полно. Идиотка! Сучка ты бестолковая! Только и умеешь, что трахаться с кем попало. Так хотя бы выбирала с кем в постель ложиться. Сифилиса мне только здесь и не хватало. – Катя окинула девушку презрительным взглядом и повернулась к лестнице.

– Все равно я больше ничего не знаю! – девушка вышла из угла. – Вы ничего не добьетесь, держа меня здесь!

Поднимаясь по ступенькам, Катя вдруг остановилась и сказала тихо:

– Я не верю тебе. Должен быть кто-то еще. Тот, кто тебе помогал. Ты не могла одна сделать такое, это тебе не под силу.

– Но, мадам, я сказала вам все, все, что знала. Это правда, поверьте, – девушка опустила голову.

– На правду похоже, но не совсем. – Катя повернула к девушке лицо и посмотрела пристальным взглядом. – У тебя остался один день, – добавила она спокойным голосом.

– И что потом? – девушка распрямила плечи. – Что вы сделаете? Вы ничего не можете!

– Я не могу? – Катя рассмеялась. – Твой отец садовник? Верно? – спросила она сквозь смех.

Лицо ее стало серьезным, улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Она сбежала по ступенькам и подошла к девушке.

Некоторое время она молча разглядывала ее, затем сказала злобещим тоном:

– Я скажу тебе, что будет потом... крысы. Полчища черных крыс станут ползать по тебе. Ты будешь сбрасывать их руками, пока сможешь, но недолго...

Девушка испуганно сникла и воздела руки:

– Мой отец! Что вы с ним сделали?

Катя закивала головой, приговаривая:

– Ах! Эти пушистые черные комочки. Они такие прожорливые. Им все мало.

Она повернулась к выходу.

– Я не прощаюсь, – бросила на ходу. – Хочу посмотреть на это. Вернусь через некоторое время. Мне не терпится увидеть твой труп, обглоданный крысами, иссохший с пустыми глазницами. Скоро ты увидишь своего папочку. Вы встретитесь после долгой разлуки.

Она хлопнула дверью и, не обращая внимание на крики, вышла во двор со словами:

– Кричи, кричи. Тебя здесь никто не услышит.

Нет нужды напоминать о том, что поведение женщин кажется нам порой весьма странным. Поведение Кати и ее поступки были вполне обычны, ну разве, что в некоторые минуты она была излишне горяча. Подумаешь, какие пустяки. Даже если бы она разбила мне голову вазой, я бы простил ее. И она бы меня пожалела. Стала бы за мной ухаживать, приносила бы всякие вкусности прямо в постель. А я бы охал и притворялся, что зол на нее. Потом, мы, ощутив прилив

симпатии друг к другу, помирились бы.

Ах, эти пряники с вареньем внутри! Они не давали мне покоя. Я часто о них думал: «Откусишь, а внутри варенье... Главное, не знаешь какое. Всегда сюрприз. А что вкуснее: джем или варенье?» И вот вчера вечером Катя постучалась в мою дверь. Я открыл и увидел Катю в ночной рубашке. Она сказала тихо:

– Извините, если разбудила, – и протянула мне кулёчек.

– Что это?

– Пряники. Тише! Все спят. – Катя приложила палец к губам. – Те самые, о которых я рассказывала.

– Спасибо, – прошептал я.

Уходя она обернулась и сказала с улыбкой:

– Жизнь состоит из маленьких радостей. Я добавила к ним одну. Приятных ощущений! И спокойной ночи.

И ушла своей плавной походкой.

Я немного поел и заснул.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то приоткрыл дверь. Узкая полоска света выступила из коридора и тускло осветила комнату, упав на мое лицо. Я встал и подошел к двери.

– Кто там?

– Это я, Катя. Извините, Бога ради, что беспокою вас в такое позднее время, – голос ее дрожал.

Я открыл дверь и увидел, что она стоит в ночной рубашке, накинув на плечи плед.

Она сказала печальным голосом:

– Мне холодно, страшно и одиноко.

– Кто-то шумит?

– Нет. Просто я боюсь быть одна сегодня. В эту ночь.

Катя выглядела растерянной и напуганной. Я уложил ее в свою постель, а сам лег на диван.

Утром она разбудила меня, взяв за плечо:

– Спасибо, я пойду к себе. Спасибо вам, – она открыла дверь, обернулась и, ласково посмотрев на меня, сделала изящный взмах рукой.

– Не опаздывайте на завтрак, – добавила Катя. Улыбка скользнула на ее лице, она опустила ресницы и вздохнула.

– Мы забыли одну деталь, – сказала она и вернулась, плотно закрыв за собой дверь.

– Какую же?

– Чулки, я забыла их надеть, где же? Ах вот! – она отвернула подушку в сторону.

– Но, Катя, я не могу смотреть на это. Я выйду. Неудобно.

– Нет, останься. Я хочу, чтобы ты видел, как я это делаю. – Она улыбнулась. – Лучше подойди и помоги мне... Слышишь?

Я подошел и присел на корточки. Но в таком положении было неудобно держать равновесие и я встал на одно колено.

– Что же здесь такого неудобного? – промолвила Катя сладким голосом. – Все женщины снимают и одевают их каждый день... Теперь здесь. Вот так. Хорошо...

Я отвернул голову, она тут же повернула ее обратно:

– Смотри, какие подвязки. Они шелковые...

– Да, действительно, из красного шелка. Как красиво!

– Вот и готово. А ты смотреть не хотел.

Я стал подниматься и случайно коснулся головой ее груди:

– Ой! Ноги затекли. Я так неловок. Но ваша грудь...

– Что?

– Она такая... Мягкая, – произнес я взволновано.

Катя растерялась поначалу, но быстро пришла в себя:

– Вы иногда так странно говорите, что я теряюсь и не знаю,

что вам ответить.

Она посмотрела на меня изумленно и сказала:

– Женская грудь и должна быть такой мягкой. Это вполне естественно, – она зашмыгала носом и, вынув платок, поднесла его к лицу.

– Ну я пойду, а то опоздаю. Сегодня совещание.

С этими словами она вышла.

Навстречу ей попался Сергей Иваныч. Катя спросила его с улыбкой:

– Чего это вы такой грустный? Голова со вчерашнего не проходит? Пойдемте лучше навестим нашего садовника. Ему, наверное, скучно одному.

– У меня дела, – пробормотал Сергей Иваныч и замотал головой. – Не могу, – добавил он еле слышно.

– Что не можете? Какие дела? – спросила Катя, перестав улыбаться.

– Не могу спокойно смотреть на это. И вообще, – он по-

высил голос и сказал уверенно:

– Мне не нравятся методы, которыми вы добиваетесь признания от людей. Он пожилой человек и, наверное, не совсем здоров. Не стоило так поступать с ним. Мне это все не по душе.

– Ну-у. Он сам виноват. И потом, это ваш промах. Вы должны проверять персонал и допускать к работе. Вам не показалось странным его поведение в первые дни?

– У него была рекомендация.

Катя строго поглядела на Сергея Ивановича и сказала сердито, ледяным голосом:

– А если бы у него получилось? Если бы он успел? Что было бы со всеми нами? Вы об этом не думали?

– Думал, думал. – Он затряс головой, – только не надо таким тоном!

– Знаете что, Сергей Иванович, не забывайтесь! Помните, кому вы обязаны.

Сергей Иванович судорожно повернулся, махнул рукой и зашагал прочь, опустив голову.

Катя продолжила, глядя ему вслед:

– Если бы не я, вы бы валялись где-нибудь под забором или на стройке бы вкалывали до седьмого пота, а после, в воючей прокуренной бытовке, изрядно набравшись, рассказывали бы о своих подвигах, размахивая руками.

– Ладно, без вас обойдусь, – она, нащупав в кармане ключи, подошла к входу в подвал и стала спускаться по лестнице.

це, продолжая разговаривать сама с собой:

– Все самой приходится делать.

В конце лестницы горел свет. Катя в недоумении остановилась и немного постояв, прошла дальше. Она толкнула незапертую дверь, вопрошая:

– Кто здесь? – и увидела Ольгу.

– Ах! Ты пришла раньше меня? Моя милая! Ты уже сделала все сама? Чудесно!

– Да, мама. Я вскрыла ему вену. – Ольга отвела руку с ножом в сторону. – Оказывается это так просто. Я не знала.

Катя подошла к ней, обняла и зашептала горячо:

– Ничего... Моя девочка... Не волнуйся... Первый раз, масса впечатлений. – Она погладила Ольгу по спине и заглянула в глаза. – Иди к себе. Ты дрожишь. Успокойся!

Ольга раскрыла дрожащие губы и произнесла с чувством, волнуясь:

– Он смотрел мне под юбку, когда я поднималась по лестнице. Таким взглядом. И потом всегда на грудь... Мне казалось, что он ощупывает меня своими грубыми руками. Он грязный, – она заплакала и прижалась к матери.

– Ну-ну. Успокойся. Иди к себе и помойся. Ты вся в крови. Не надо так близко воспринимать все это. Детские страхи...

Ольга стала подниматься по лестнице, оглядываясь на мать.

Катя смотрела на нее пристальным взглядом и кивала го-

ловой. Она сделала прощальный взмах рукой и обернулась в угол комнаты.

– Садовник? Ну как ты?

В углу, уронив голову на грудь, раскинув руки, лежал человек.

Это был еще крепкий пожилой мужчина. Его глаза были закрыты. Изредка его тело вздрагивало.

Катя подошла к нему осторожно ступая, стараясь не наступить на кровь, вытекающую из его правой руки. Этот темный ручеек медленно струился по каменным плитам. Извиваясь, он повторял их очертания и исчезал в сливном отверстии, расположенном в центре комнаты.

– Да... Ты умрешь медленно, – сказала она, растягивая слова. – Жизнь будет уходить из тебя капля за каплей, – она покачала головой. – И я вернусь сюда, чтобы увидеть последнюю каплю твоей никчемной жизни.

Он поднял слабеющую голову, открыл глаза и посмотрел на Катю туманным взглядом.

– Я вам ничего не скажу, – выдавил он со страданием в голосе.

– Не говори. За тебя скажут другие. Твоя дочь, например. Может, есть кто-то еще?

Она присела на корточки, приподняв платье, и заглянула ему в глаза.

– Да у тебя жар! Ты умрешь быстрее, чем я думала... Вот видишь как бывает. Погонишься за деньгами... Кажется, вот

оно счастье! Сколько тебе обещали? Я заплачу больше! Еще не поздно. Подумай.

Садовник отвернулся и закрыл глаза.

– Ну и подыхай! – Катя резко встала и пошла к двери, говоря на ходу быстро:

– Твоя дочь идиотка! Я думала, ты хоть умнее...

Она вдруг остановилась, все так же осторожно ступая по каменным плитам, вернулась на прежнее место и сказала:

– Но я одного не могу понять. Зачем эти игры? Зачем ты заглядывал под юбку моей дочери? Похотливые взгляды. Почему? Это цветок, моя дочь, моя жизнь. Я помню то время, когда она была моей единственной радостью... – она задумчиво подняла голову, сложив руки на груди.

– Эй! Садовник, открой глаза. Ты слышишь? – Катя вытянула ногу и носком туфли повернула его лицо к себе. – Не спи!

Старик приоткрыл глаза и посмотрел на нее с ненавистью. Она, видя, что он слушает, продолжила с чувством:

– Как бы тяжело мне не было, как бы не устала я, но стоило мне увидеть ее и тяжесть проходила. Радость охватывала меня, когда она бежала ко мне. Моя дочь, мой ребенок, она протягивала руки и о чем-то рассказывала, обнимая мои колени повторяла: «Мама, я люблю тебя!» Я гладила ее по голове и боль проходила. Та боль, что присутствовала во мне и не давала покоя. Она исчезала. Стоило мне прикоснуться к моей девочке, увидеть ее лицо даже издали. Мне станови-

лось легче. Впрочем, тебе не понять этого. Ты не способен на такие чувства.

Катя поморщилась и отступила назад, говоря:

– Ну и подыхай! Раз тебе не терпится.

Глава 7

На следующий день вечером, после ужина, прогуливаясь по своему обыкновению во внутреннем дворе, я случайно обнаружил, что дверь, ведущая в подвал, приоткрыта. Я огляделся по сторонам и быстро спустился по ступенькам. Передо мной была небольшая площадка, дальше виднелась лестница, ведущая вниз. Я стал осторожно спускаться, постепенно погружаясь в полумрак. Дневной свет едва проникал сюда из маленьких окон похожих на бойницы, расположенных с левой стороны. По мере того, как я спускался, становилось еще темнее и когда идти стало невозможно, я остановился. Ступеньки вели еще ниже. Только я нащупал в кармане зажигалку, как наверху послышался шум открываемой двери, и луч фонаря скользнул вниз. Я услышал голос:

– Опять лампы перегорели...

Свет фонаря упал на ступеньки и медленно пополз по ним.

«Катя, это ее голос» – пронеслось в моей голове.

Я спрятался в небольшую нишу в стене и замер, боясь пошевелиться, но время от времени все же выглядывал, наблюдая ее приближение. Я заметил, что в левой руке она держала маленькую плоскую бутылку, а в правой связку ключей. Ключи звенели при каждом ее шаге монотонным и печальным звоном. Катя остановилась совсем рядом, в двух шагах

от меня. Я почувствовал аромат ее духов и услышал ее дыхание, так тихо было вокруг. Отхлебнув из бутылки, она переложила связку ключей в другую руку и свободной рукой стала шарить по стене, чуть не задев меня по лицу. Щелкнул выключатель и зажегся свет, неяркий, но он позволил ей увидеть меня.

– Какого черта ты здесь делаешь? – произнесла она растерянно.

Я выступил из ниши и, глупо улыбаясь, попытался обойти ее, чтобы подняться по ступенькам к выходу, но она схватила меня за отворот куртки и рывком развернула к себе.

– Это место не для тебя... Здесь, – она топнула каблуком о каменную плиту, – лежат пять человек. Двое из них похоронены заживо. Хочешь быть шестым?

Я отшатнулся, видя, как она уставила на меня взгляд, который постепенно превращался из спокойного в пронзительный.

– Здесь нет никаких пейзажей! – продолжила Катя.; А если и есть, то вряд ли тебе понравится, – она нервно засмеялась. Взгляд ее затуманился.

– Я устала. Какой крепкий коньяк, – прошептала она еле слышно и, опустив мою куртку, оперлась о стену, опустив голову. Через пару секунд она выпрямилась, бутылка выпала из ее руки и со звоном покатила по полу.

– А. это ты? – Катя удивленно посмотрела на меня, будто в первый раз увидела. – Почему ты не в постели. Уже поздно.

Я бы тоже легла, пожалуй, – она обхватила меня за шею. – Пойдем отсюда. Здесь так мрачно и сыро.

Я помог ей подняться, отвел в комнату и уложил на кровать. Она тут же уснула, раскинув руки.

В один из вечеров я заметил свет в спальне ее дочери. Было поздно. В моей голове мелькнула безумная мысль: «Вполне возможно пробраться к ней по карнизу и заглянуть в окно». Я бросил сигарету, нагнулся, потрогал выступ под окном и решился. «Хоть какое-то приключение», – подумал я, спуская ногу. Все оказалось на удивление просто. Через несколько минут я оказался уже на середине пути и, схватившись за водосточную трубу, решил передохнуть. Затем продолжил свой путь.

Однако, когда я дошел до ее окна и заглянул в него, моя левая нога соскочила с карниза и я полетел вниз. Все это произошло так быстро, что я не успел даже толком испугаться, как очутился на траве. Газон в этом месте был мягкий, и я растянулся на нем. От удара спиной у меня перехватило дыхание, я отдышался и через некоторое время встал. Оглядываясь и отряхивая травинки, прилипшие к одежде, я увидел Катю.

– Вы не ушиблись? Зачем вас туда понесло? – Она смотрела на меня удивленно.

– Сторублевая бумажка. Ее унесло ветром и она прилипла к карнизу,; попытался оправдаться я.

– Да ну? – она удивилась еще больше. – Из-за этого?

Катя, видимо, догадывалась об истинной причине, и ее лицо изменило выражение. Она засмеялась.

– О Боже! Какой стыд. Да вы с ума сошли! ... Но зачем?

Она подошла ближе и заглянула мне в глаза внимательно всматриваясь.

– Что у вас в голове? Что там происходит? Я хочу понять. Что?

Я молчал, не зная, что ей ответить.

Катя вздохнула печально и продолжила:

– Какие пейзажи вы могли там увидеть? Натюрморт? Может эротические зарисовки из спальни молодой девушки? Но где же ваш карандаш?

Она осуждающе покачала головой:

– наброски обнаженной натуры. Конечно. Это же так увлекательно. Подглядывать. До моей спальни вы еще не успели добраться?

– Нет, не успел, – ответил, наконец, я.

– Больше не смейте выходить за ограду, – строго добавила она. – К черту ваши пейзажи!

Она повернулась, чтобы уйти и обернулась. Ее лицо выражало недоумение. Катя сказала взволнованно:

– Я еще могу понять подростка-школьника, занимающегося этим. Но... – она презрительно поджала губы. – Вы же взрослый человек, образованный, воспитанный. И так...

Я набрал воздух и, выдохнув, ответил с горечью:

– Вам не понять или вы никогда не чувствовали то, что

можно чувствовать при этом.

– Да уж куда мне, – вставила Катя.

– Такое ощущение! – продолжил я с еще большим воодушевлением. – Внутри все закипает, и сердце бьется громче, отчетливее. Смотришь и не можешь оторваться. Понимаешь, что нельзя, что надо уходить. Может, уже поздно. И от этого боишься еще больше. Боишься, что тебя заметят... Страх быть пойманным. Он обжигает! Заставляет дрожать все тело мелкой дрожью. Теперь все это вместе. Такая гамма ощущений! Какие краски! Где еще можно испытать такое? И какими еще словами можно передать все это в полной мере?

Катя внимательно слушала мой монолог.

– Понимаю, – она кивнула головой. – Но тем не менее. Хотя бы незаметно. Не так явно и открыто. Какой вы азартный! Вечерами вашу комнату будут закрывать на ключ. С этого дня.

– Но позвольте! – возразил я. – Есть еще одно и я подозреваю, что вы знаете, о чем я говорю.

– Что такое?

– Я про девушку. Та, которая пропала. Я знаю, она там внизу, и слышал ее стоны, это ее голос...

– Вам послышалось. – Катя недовольно поморщилась.

– Но крики были предсмертные, так кричат, когда умирают! Я знаю!

– Знаю! Что вы можете знать, кроме своих пейзажей? Это вам не краски размешивать. В жизни все намного сложнее,

чем вам кажется, – сказала она категоричным тоном.

На ее лице отобразилось страдание. Катя вздохнула и добавила печально:

– Иногда приходится делать ужасные вещи, совершать такие поступки, от которых самой страшно становится... Тяжело... Мне всегда жалко, когда я так поступаю и горько на душе.

– Зачем же вы так делаете? Это нехорошо...

– А что еще остается? – перебила она. – У меня нет другого выхода. Такова моя жизнь, но я всегда играю по правилам.

Голос ее задрожал. Она продолжила, волнуясь:

– А вы... Вы... Что знаете о смерти? Что видели в своей жизни? Цветастую палитру и разрисованных матрешек? Веселую радугу на небосклоне? Яркое солнышко?

Катя смотрела прямо на меня и внезапно глаза ее стали наполняться слезами. Она отвернулась в смущении, достала платок и поднесла к лицу, всхлипывая. Затем слегка успокоившись, повернула ко мне лицо с заплаканными глазами и сказала с выражением:

– Вы видели, когда-нибудь, как у матери отбирают ребенка и бросают в огонь? Когда отец смотрит, как его сын истекает кровью и ничем не может ему помочь... Вы видели такое? Его лицо обращенное к небесам? Как он страдает! Видели? А корабль полный людей? – она подошла вплотную и заговорила с еще большим чувством и выражением. – Он вдруг разламывается пополам! – Катя взмахнула руками

и опустила их вниз. – Затем медленно погружается в морскую бездну, оглашая все вокруг безумными воплями!

После этих слов она отступила назад, и произнесла намного тише и спокойнее:

– А утром встает солнце и на неподвижной глади воды плавают обломки и десятки еще живых людей стонут и просят о помощи. Вы когда-нибудь такое видели? – прошептала она.

– Нет. Что вы! – воскликнул я.

Катя тут же повысила голос:

– А я видела и знаю, что такое смерть и как она выглядит. И не вам меня совестить!

– Хорошо. Хорошо. Не волнуйтесь так, пожалуйста.

Я попытался ее успокоить, нежно обнял за плечи и предложил:

– Пойдемте спать. Уже поздно.

– Да... Да, конечно, поздно. Поздно что-то менять, – устало промолвила она. – Простите меня Бога ради. Я устала и хочу спать. Я так люблю тишину.

Мы зашагали, обнявшись. Потом я поднял ее на руки и понес, как ребенка. Она закрыла глаза и склонила голову на мое плечо. Так я донес ее до комнаты, бережно опустил на кровать и позвонил горничной. Та пришла тотчас, неся ночную рубашку.

– Это ее любимая, самая мягкая! – прошептала горничная и заперла за мной дверь спальни.

Долго проспав Катю не удалось. Разбудил стук, навязчивый и монотонный.

– Когда же это прекратится? Ужас какой! – Катя несколько раз перевернулась, затем сбросила одеяло и встала со словами:

– Я так хотела проснуться утром. Какое это счастье – спокойно спать до самого утра!

Она вышла из комнаты, прошла по коридору и поднялась по лестнице, ведущей в башню.

– Что вы здесь делаете в 11 часов вечера? – спросила она у рабочего, стоявшего возле оконного проема.

– Работаю, – ответил он на ломанном русском.

– Но ведь уже поздно. Спать не хотите?

– Нэт!

Катя подошла к нему, спрашивая:

– Устал, наверное? Посмотри вот туда, – рукой она показала на двор.

Он повернул голову, улыбаясь.

– Нет вон там, ниже. Что видишь?

Он нагнулся, высунувшись из проема, пытаясь разглядеть то, что она показывала.

– Да, да, только правее и еще ниже. – Обеими руками Катя быстро схватила его за ноги и резко подняла вверх. Он задержался, цепляясь за стену, и соскользнул вниз.

А-а-а! – послышалось.

– Не хочешь спать, зато я хочу, – сказала Катя.

К месту падения собралась прислуга, даже повар пришел, потирая живот и жуя на ходу.

Подошел Сергей Иванович. Катя спустилась и встала рядом.

Сергей Иваныч разглядывал тело и смотрел то на Катю, то наверх. Затем сунул руки в карманы и сделал полукруг, обойдя место на котором лежал упавший рабочий.

– Близко не подходите! – одернул он слишком любопытных и, уже обращаясь к Кате, сказал:

– Его голова... Смотрите.

– Что голова?

– Она раскололась. Зайдите правее, отсюда видно.

– Еще бы, – прошептала Катя, сделав несколько шагов. – Да, действительно. Бедный мальчик. Упасть с такой высоты на камни!

Прибежал запыхавшийся прораб. Он сел на землю, обхватив голову руками.

– Как же?... Как же? – повторял он словно заведенный.

– Надо вызвать скорую, – сказал Сергей Иваныч и удалился.

Катя подошла к прорабу и, поправляя прическу, спросила:

– А сколько ему лет?

Тот убрал руки с лица и ответил:

– 23 года. Это был мой лучший рабочий. Такого никогда не было, – он повернул к ней лицо. – Один ушел в лес и не вернулся... Этот сорвался... Надо уходить отсюда.

– Сегодня один, завтра другой, – равнодушно произнесла Катя, зевнула, прикрывая рот рукой, и не торопясь пошла к дому.

Прораб поднялся и закричал ей вслед:

– Что я скажу его родителям?!

– Какая разница? – она махнула рукой.

После того, как она закрыла меня в моей комнате, единственной моей радостью остается пейзаж из окна. Я наблюдаю его постоянно в разную погоду. Удивительно! Какие краски мне удавалось разглядеть. Таких я раньше не замечал. Озеро из окна тоже видно, почти всё. Оно окружено зарослями камыша, который шелестит под порывами ветра и его шелест слышен даже отсюда. Это успокаивает и навевает размышления. Я рисовал его несколько раз карандашом и акварелью. После того как я это сделал, оно перестало интересовать меня, лишь один раз, когда лиловые тучи закрыли небо, вода изменила цвет и этот оттенок показался мне интересным.

Я наблюдаю за Катей каждый день, когда она идет купаться. Она снимает халат, проходя мимо моих окон, и остается в купальнике. Или же одевает его на голое тело. Грудь полураскрыта и ноги... Я положительно влюбился в нее. А может, скорее всего, она влюбила меня в себя? Впрочем, уже не важно.

Мои дни проходили спокойно и безмятежно. Не раз я

вставал с постели, подходил к окну, брал альбом и пытался что-то нарисовать. Но ничего не получалось. Тогда я ложился на кровать и закрывал глаза. «Почему у нее такая мягкая грудь?»; думал я, накрывшись одеялом. «Или мне показалось».

Но на ощупь не может показаться. Значит так и есть. Я трогал раньше у других женщин, но это было не то. Ощущение совсем иное. Эта мысль плотно засела в моей голове и не давала покоя. Я успокаивал себя: «Мне показалось». Но на самом деле не могу же я спросить ее об этом. Неудобно. Что она подумает? Как посмотрит своими пронзительными глазами?

В один из последующих дней, проснувшись рано утром, я решил повторить свое приключение. Взял сумку с альбомом, карандаши и вниз из окна. По уже знакомому пути прошел по карнизу и спустился по водосточной трубе, но дальше за воротами. Наверное, меня будут искать. Да и неловко, как-то после того вечера оставаться. Напоследок мне захотелось нарисовать море, придя домой, уже красками. Я запомнил почти все цвета, помнил оттенки. Я прошел парк и удалился в лес.

В этот же день вечером Катя, кутаясь на ходу в халат, пошла по коридору. Она дошла до моей комнаты и, открыв дверь, остановилась. Комната была пуста. Несколько секунд она стояла в нерешительности, осматриваясь. Затем сделала несколько шагов и резко развернувшись, поспешила на вы-

ход. По лестнице она спустилась во двор и зашагала по нему своей плавной походкой.

Пройдя несколько шагов, оглядываясь, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Наконец, остановилась у самой стены, за которой располагался сад и внимательно еще раз осмотрелась.

– Художник... Ты где? – позвала она тихо. Заметив что-то улыбнулась и осторожно пошла вдоль стены.

– Иди к мамочке! – запела она сладким голосом. – Пора ужинать... Где ты спрятался? Не шали. Все равно я найду тебя!

Взяв в руки палку, стоявшую возле стены, она пошла дальше, приговаривая нараспев:

– Соединись со мной. Я тебя жду-у... Постель такая мягкая. Разве не хочешь?.. Она внезапно остановилась и ударила палкой по большой глиняной вазе в которой росли цветы... Ваза разлетелась на куски.

– Впереди у нас жизнь полная удовольствий! Что ты задумал? Ну-ка признавайся!

Пихая ногами обломки, Катя пошла дальше, дошла до большого дерева и, задрвав голову, закричала:

– Я просто хочу тебя поцеловать. Вот и все. Разве нельзя? – она закружилась на месте и, глядя вверх, продолжала:

– Ты оставил рубашку в комнате. Когда ты раздевался, что ты чувствовал? Именно в тот момент, когда обнажаешь отдельные части тела в ванной. Теплые струи. – Тут она оста-

новилась, видимо у нее закружилась голова. Катя несколько раз вздохнула, замотав головой. – Вода еще не успела согреть твою кожу. Ты ощущаешь холод, который касается тебя, твоего тела. Это ощущение... Когда ждешь теплых прикосновений водяных струй. А может не воды, а рук, жаждущих ласкать? Тебе этого хочется? Я знаю, ты опять что-то придумал. Я это чувствую. У меня есть мороженое, оно там, в столовой, в холодильнике. – Она топнула ногой. – Хватит прятаться! Давай поговорим... Покурим, посидим вместе. Расскажи, что тебя волнует. Что не так? Злишься, небось, что я запретила тебе гулять по округе? Но ты сам виноват.

Катя оглянулась в последний раз и, решив, что меня здесь нет, вздохнула и медленно пошла обратно, говоря на ходу с сожалением в голосе:

– Там, в моей комнате, я приласкала бы тебя. Положишь голову ко мне на колени и обо всем забудешь. А хочешь на грудь? Она такая мягкая... Ты сам говорил... Тебе нравятся мои руки. Они могут быть нежными. Очень нежными. – Она отбросила палку и поднялась по ступенькам центрального входа.

Утро.

Сергей Иваныч с виноватым видом постучал в дверь комнаты Екатерины Ивановны.

– Какого черта?.. В такую рань... Ладно, войдите.

Он открыл дверь, нерешительно остановился и сказал:

– Извините, мадам, видимо, он убежал...

Катя повернула заспанное лицо и, несколько раз проведя по нему ладонями, спросила удивленно:

– Кто убежал? Откуда? – она подняла голову, не понимая, что происходит.

– Ваш художник сбежал, – ответил Сергей Иваныч. – Вы сами распорядились докладывать вам в первую очередь, в любое время, обо всех обстоятельствах, с ним связанных.

– Найдите его! – она мгновенно вскочила с кровати с открытой грудью, в розовой пижаме, с раскрасневшимся лицом. – И приведите ко мне! За что я вам деньги плачу?! – она всплеснула руками, сунула ноги в тапочки и, поправляя волосы, упавшие на лоб, выдавила, раздраженно поджав губы:

– Идиоты! На что вы способны? Пить пиво, поставив ноги на скамейку и болтать о всякой чепухе!.. Я уволю вас к чертовой матери!

Катя встала и, направляясь в ванную, бросила на ходу:

– Доложите подробнее, чуть позже, когда я приведу себя в порядок.

Сергей Иваныч вышел, с ужасом поглядывая на графин, стоявший на столе.

Идя по коридору, он разговаривал сам с собой:

– Однако, парень не промах, – он повел головой и повторил. – Не промах. Ушел, как говорят, по-английски. Таких людей не удержишь. Он слишком умен, хоть и кажется простачком... Момент-то выбрал какой! Три часа света не было.

В гостиной собралось несколько человек, включая при-

слугу. Катя стояла у окна и курила.

– Где начальник охраны? – спросила она, повернувшись и мельком оглядев комнату.

Вошел Сергей Иванович, с папкой, он сел на стул, достал из папки несколько листов, просмотрел их.

Катя потушила сигарету и подошла к нему.

– Надо полагать, что это объяснения ваших людей, в письменном виде? – спросила она, небрежно взглянув на листки. – И что же пишут эти косолапые бездельники?

– Примерно в 4 утра наш ловкий друг спустился по водосточной трубе из своего окна. Точнее из окна туалета.

– И что дальше? – Катя сделала несколько шагов по комнате и обернулась. – Рассказывайте, рассказывайте. – Она пристально посмотрела на начальника охраны. Взгляд ее сделался пронзительным.

Сергей Иванович грустно вздохнул и, убрав листки в папку, сказал:

– До города можно добраться только через поселок или по тропинке, идущей по холму. Я распорядился.

Катя досадливо замотала головой, еще раз прошлась по комнате и села в кресло у камина.

– Что еще? – спросила она, глядя прямо перед собой. – Что скажут остальные?

– Ничего, мадам, – ответил за всех Сергей Иванович.

– Совсем ничего?

– Ну да. А что можно еще сказать?

– Конечно. Сказать вам нечего. Спали все как сурки. Я же просила горничных приглядывать за ним. – Она поманила Сергея Иваныча пальцем.

Тот подошел и нагнулся к ней ближе.

– Я не отпускала его, – сказала она ровным спокойным голосом.

– Не отпускали... – повторил Сергей Иванович и кивнул головой.

– Вы слышите? Не отпускала, – она посмотрела на него холодно, поджав губы. Затем протянула руку и, схватив его за воротник, резко притянула к себе. Несколько секунд она разглядывала его лицо. Ее губы прошептали. – Найдите его... Вы поняли?

– Да, мадам, – выдавил он и покраснел.

– Идите, – она разжала руку. – Возьмите всех, кого считаете нужным. Я приеду позже.

Сергей Иваныч выпрямился, поправляя галстук, закрутил шей. Все замерли.

– Вы еще здесь? Я хочу остаться одной.

Она сидела неподвижно некоторое время, ожидая пока все выйдут. Когда все вышли, она встала, подошла к окну и распахнула его.

Открылись главные ворота, через них одна за другой выехали три машины. Ворота закрылись. Она наблюдала за тем, как они проехали через парк и, свернув на шоссе, понеслись по нему, набирая скорость.

Она была спокойна, ничего не выдавало в ней внутренне-го волнения. Глаза ее напряженно смотрели вдаль на видне-ющуюся синеву моря. Прошел день, настал вечер. Катя вы-шла во двор и, кутаясь в плащ, медленно пошла по аллее. Накрапывал дождь, усилился ветер. Гуляя, она остановилась возле скамейки, села на нее и сидела, неподвижно опустив голову. Но вот что-то встревожило ее. Она подняла голову, будто спохватившись, достала из сумочки телефон и поднес-ла к уху.

– Ничего больше не трогайте. Я скоро приеду.

Через несколько минут ее черная машина выехала через ворота и понеслась по шоссе.

– Мадам, мы все объехали, всю округу, каждый дом. Он как сквозь землю провалился. Его нигде нет. Сергей Иваныч развел руками.

Катя сидела в машине и, приоткрыв боковое стекло, слу-шала его.

– Что делать? – растерянно продолжал он, внимательно наблюдая за выражением ее лица.

Она нахмурилась и вышла из машины.

Порывы ветра теребили ее волосы и раздували полы пла-ща.

– Что это? – она показала на дом невдалеке. – Вы там бы-ли?

– Да... Да все бестолку!

– А это что за мальчик? Ты здесь живешь?

– Да, это наш дом. Мой отец работает в кузнице, – ответил подошедший мальчик лет восьми.

Пошел сильный дождь, почти ливень. Небо потемнело.

– Пойдемте в дом, а то промокнем! – Катя махнула рукой, ускоряя шаг.

Она вошла в убогое жилище и остановилась возле порога со словами:

– Поразительно, до чего может дойти человеческая нищета! Вы здесь живете? Разве здесь можно жить? – она развела руками.

– Будешь жить, если жить больше негде, – ответил мальчик.

Сергей Иваныч наклонился и прошептал ей в самое ухо:

– Вы сами обложили их налогами и позвольте заметить, слишком большими.

Она сделала недовольное лицо и ответила:

– Значит нужно больше работать, трудиться. Это все оговорки для лентяев и бездельников.

Вошла девушка. Она встала возле стены и стала испуганно смотреть на происходящее.

Катя потянула мальчика за рукав:

– Это твоя сестра? – она выбрала стул почище и села на него.

– Да.

– Твой отец работает в кузнице. Он что-то видел, может

рассказать?

Ответила девушка:

– Он не может говорить, мадам. – У него обожжено горло.

Катя удивилась и, посмотрев на Сергея Ивановича, произнесла растерянно:

– Зачем обожжено? Кто обжег? Что за вздор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.